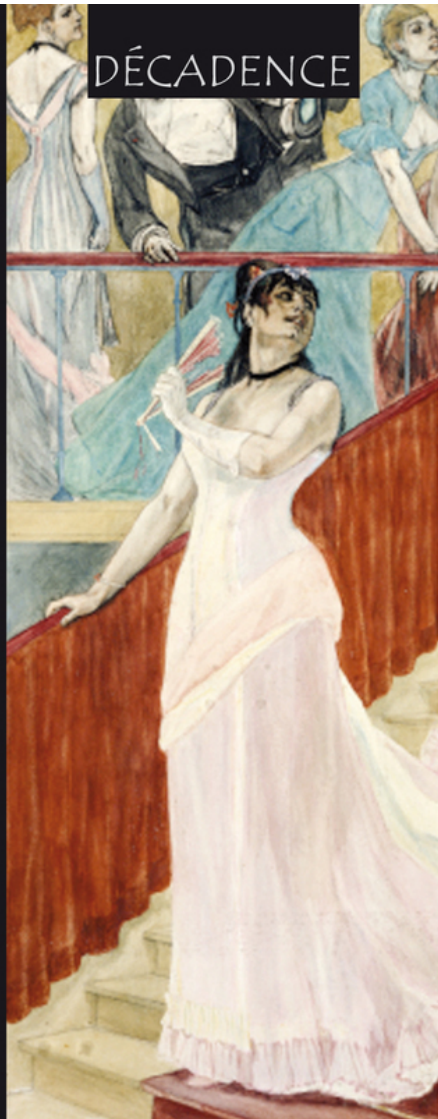

ЖОЗЕФЕН ПЕЛАДАН

ЛЮБОПЫТНАЯ

DÉCADENCE

Жозефен Пеладан

Любопытная

Серия «Decadence»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7316941

Любопытная / Пер. с франц., предисл. и комм. Е. Быстровой; Водoley;

Москва; 2014

ISBN 978-5-91763-208-7

Аннотация

Французский писатель-окультист, основатель Католического Ордена Розы-и-Креста Жозеф(ен) Пеладан (1858–1918) появлялся на публике в тунике венецианского дожа, называл себя Сэром (Волшебником) и неизменно оказывался центральным персонажем собственных «литературных фантазий».

Пеладан хорошо известен исследователям европейского эзотеризма, читателям – почти незнаком. Роман «Любопытная» – вторая книга его 21-томной эротико-идеалистическая *эпопеи* «Закат латинского мира». Философ и волшебник Небб пишет карандашный портрет русской принцессы Поль – «материи для идеальной страсти» – и приглашает девушку на прогулки-по-порочному-парижу, призванные «заполнить ее душу бесчисленными извращениями» и «потопить в разочаровании всплески любопытства».

На русский язык книга переведена впервые.

Содержание

«Любопытная» Жозефена Пеладана: Femme fatale или «материя для идеальной страсти»?	4
Любопытная	14
Посвящение	14
Пролог	17
I. Платонический флирт	17
II. Небо	38
III. Зашифрованное письмо	42
IV. Принцесса Поль	44
V. Замысел Небо	52
VI. Парк Монсури	56
VII. Андрогин	68
Прогулки по порочному Парижу	76
I. Дорога из трактира в кабаре	76
II. Латинский квартал	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Жозефен Пеладан

Любопытная

«Любопытная» Жозефена Пеладана: *Femme fatale* или «материя для идеальной страсти»?

ФРАНЦУЗСКИЙ писатель-окультист, идеолог мистического начала в искусстве и основатель Католического Ордена Розы-и-Креста Жозеф(ен) Пеладан (1858–1918) появлялся на публике в тунике венецианского дожа, называл себя Сэром (Волшебником) и неизменно оказывался центральным персонажем собственных «литературных фантазий».

Пеладан родился в Лионе в семье журналиста и стал известен в парижских литературных кругах после выхода в свет своего первого романа «Высший порок» (*Le Vice suprême*; 1884), – рамки жанра не помешали писателю подвергнуть тщательному анализу дьявольскую природу *роковой женщины*. Эротико-идеалистическая *этопея*¹ «Закат латинского мира» (*La Décadence latine*, буквально – «Латинский де-

---

¹ По аналогии с «эпопеей» (греч. *ἐποποιΐα*) – творением слов, описанием событий, «этопея» (грегреч. *ἠθολογία*) – нравотворение, описание характеров. Пеладан подчеркивает этическую составляющую своего произведения.

каданс»; 1884–1905) составила впоследствии 21 роман – в Древней Халдее математическая пропорция выступала одним из принципов эстетики, а протагонисты «Декаданса» носили имена халдейских богов: Самас (Шамаш) – бог Солнца, Син – Луны, Адар (Ану) – Сатурна, Меродак (Мардук) – Юпитера, Нергал – Марса, Иштар – Венеры, Небб (Набу) – Меркурия.

Творчество писателя условно можно разделить на две параллельные серии: написание каждой книги «Декаданса» сопровождалось подготовкой теософского трактата или искусствоведческого эссе. Романы были адресованы широкой публике – «профанам», теоретические и критические сочинения предназначались для интеллектуалов или «посвященных».

Усматривая в науке «преграду, надевающую – вместо того, чтобы сорвать – завесу тьмы на реальность мира»², Пеладан призывал к познанию сверхъестественного начала и создал собственный «Амфитеатр мертвых наук» (*L'Amphithéâtre des sciences mortes*; 1891–1901) – цикл трактатов об этике («Как стать Волшебником» (*Comment on devient Mage*; 1891)), эротике («Как стать Волшебницей» (*Comment on devient Fee*; 1892)), эстетике («Как стать Художником» (*Comment on devient Artiste*; 1894)), политике («Книга скипетра» (*Le Livre du sceptre*; 1895)), мистике («Католиче-

---

² Gosztola M. Jarry, Péladan: un dialogue d'initids? // L'Etoile-Absinthe: les Cahiers de la Socidtd des Amis d Alfred Jarry, 2006. № 111–112. P. 93.

ский оккультизм» (*L'Occulte catholique*; 1898)), метафизике («Трактат об антиномиях» (*Traité des antinomies*; 1901)).

Автор цикла критических работ, объединенных под названием «Эстетический декаданс» (*La Décadence esthétique*; 1881–1906), Пеладан находил искусство «великим чудом» и «великой тайной», а «начертавшего безупречную линию» художника – посланником небес³. Выступая с резкой критикой «охлократического искусства», Пеладан возлагал надежды на «традицию, идеал, иерархию» как три основополагающие ценности французского искусства⁴. Малоизвестен вклад Пеладана в дело охраны исторического и культурного наследия – составление, отдельно для каждого департамента, перечня церквей, подлежащих включению в число исторических памятников⁵.

Пеладан вошел в историю и как предводитель художников-символистов, практиковавших «мистическое искусство» и стремившихся раскрыть на холсте идеальное начало мироздания⁶. Более шестидесяти мастеров «живописи души», среди которых были Гюстав Моро и Пьер Пюви де Шаван, выставляли свои работы на Салонах Розы-и-Креста, организованных Пеладаном и проходивших в Париже с 1892

---

³ Péladan J. Constitutions de la Rose-Croix du Temple et du Graal. Paris, 1893.

⁴ Péladan J. La Décadence esthdtique I. L'Art ochlocratique. Paris, 1888.

⁵ Les dglises artistiques de Lrance // Le Ligaro. 1911. 27 aout.

⁶ Di Pasquale M.E. Joséphin Péladan: Occultism, Catholicism, and Science in the *Fin-de-siècle* // RACAR, 2009. XXXIV. № 1. P. 53–61.

по 1897 год.

Литературное наследие Пеладана насчитывает не менее сотни книг – десятки романов, критические статьи о живописи, трактаты по теократии, христианскому эзотеризму, искусству любви и даже «практическое руководство по самовозвеличиванию». Пеладан был также одним из первых исследователей и переводчиков рукописей Леонардо да Винчи, удостоившись в 1908 году премии Шарля Блана – за «Идеи, теории, предписания, басни и сумасбродства Леонардо да Винчи» (*Léonard de Vinci. Textes choisis. Pensées, théories, préceptes, fables et facéties, traduits dans leur ensemble pour la première fois d'après les manuscrits originaux et mis en ordre méthodique par Péladan*; 1907).

Пеладан хорошо известен исследователям европейского эзотеризма, читателям – почти незнаком. Тем не менее, в предисловии к роману «Высший порок» Жюль Барбе д'Оревильи сопоставил «фреску, синтезирующую закат латинского мира», с наследием Бальзака⁷. Жорж Роденбах упоминал об аллегории «зонта в португальском»⁸, которую писатель-эксцентрик практиковал преднамеренно, заслоняя перед публикой свои идеи «карнавальной маской». Действительно, открыв «Нью-Йорк Таймс» от 28 июня 1918 года, мы можем прочитать о смерти в Париже «необычного персонажа», посвя-

---

⁷ Péladan J. La Décadence latine, éйюрée. I: Le Vice suprême: roman (8e édition). Préface de Jules Barbey d'Aureville. Paris: Les Editions du monde moderne, 1926.

⁸ Rodenbach G. La rentree du Sar Péladan // Le Patriote. 1897. 9 mars.

щенного в «тайну оккультного знания» и обладавшего «самой необузданной шевелюрой в Латинском квартале»⁹.

Роман «Любопытная» (*Curieuse!*; 1885) – вторая книга «Декаданса». Интрига – проста. Философ и волшебник Небб пишет карандашный портрет русской принцессы Поль¹⁰ – «материи для идеальной страсти» – и приглашает девушку на прогулки-по-порочному-парижу, призванные «заполнить ее душу бесчисленными извращениями» и «потопить в разочаровании всплески любопытства». Путешествие-инициация начинается в парке-пустыре («зажатый между железными рельсами парк знал, что дни его сочтены – мрачный массив разрезали мосты и тоннели, паровозный дым чернил яркую зелень деревьев»), состоит из «пятнадцати ночей без сна» и завершается оргией-фантаσμαгорией, инсценированной философом.

Отправной точкой повествования служит миф об андрогине: убежденный в незыблемости абстрактного идеала, Небб предлагает Поль – андрогинной девственнице – платоническую любовь («плод пустит сок в моих ладонях, не коснувшись ее губ»). Философ-неоплатоник выступает «из-

---

⁹ Parisian Poet Dead // The New York Times. 1918. June 28.

¹⁰ Для Пеладана характерно наивно-схематичное представление о России. В числе его героев принцесса Поль Рязань (Riazan) и княгиня Вологда (Vologda). В переводе эта специфика сохранена. Попутно отметим, что имя главного героя – Небб (Nebo) – вероятно, случайный омоним русского «небо», привносящий в перевод дополнительные, отнюдь не противоречащие повествованию оттенки смысла.

бренным» среди «недостойных», ополчается на нравы «конца века» и социальную жизнь парижан (всему виной оказывается то обстоятельство, что «вино в трактире слаще домашнего», а «для поцелуя желанны живые, мягкие губы»), ведет принцессу в кафе, где стоят «гроб из сосновых досок» и «ящик с мумией», и предлагает задушить Оффенбаха струной виолончели.

Перед глазами философа и принцессы появятся и исчезнут «предусмотрительные Улиссы», проститутки «с преувеличенно сложными прическами», «талантливый автор поэм о насилии», порочная девственница «в ночной сорочке и со спутанными волосами», сутенер, куртизанка, колдунья, грабитель-убийца. Непризнанный поэт лишится чувств «подле листка бумаги, исписанного строками равной длины», священник – прочтет «трехминутную молитву, целиком состоящую из бранных выражений». В эпизоде промелькнет и сам Пеладан – как «бессмертный автор “Форм и идей”¹¹», чей костюм окажется «дурно скроен», виски – «тронуты сединой».

Подобно осколкам разбитой принцессой чаши (ритуал розенкрейцеров —?), на гладкой (линейное повествование, всезнающий автор-волшебник) поверхности романа возникают, тем не менее, элементы параллельной интриги¹². Небó,

---

¹¹ Цикл «Идеи и Формы» (*Les Idées et les Formes*; 1900-02) включает эссе о Египте («Земля Сфинкса» – *La Terre du Sphinx*), Палестине («Земля Христа» – *La Terre du Christ*), Греции («Земля Орфея» – *La Terre d'Orphée*).

¹² «Любопытная» – первая часть трилогии, продолжение и окончание которой составляют «Посвящение в чувственность» (*L'initiation sentimentale*; 1887) и «По-

«избегавший общения с женщинами даже в публичных домах», непричастен к «порочной страсти». При этом он знает о разврате все до мельчайших подробностей – разве «соглядатай не уподобляется участнику»? Небó не тщеславен и уступает место другим, когда «возникают и сталкиваются притязания». Но он желает управлять судьбой принцессы («оглянувшись, она увидит лишь Небó»), Наконец, философ безразличен к альковной любви – и женственности Поль. Тем не менее, он скрывает свое эротическое прошлое (о бывших возлюбленных Небó расскажет в последней части трилогии, когда Поль обнаружит в ящике его стола «засохшие цветы, перчатки, фотоснимки, пачки писем») и испытывает принцессу разлукой (обещанный новый опыт – *посвящение в чувственность* – состоится лишь «будущей весной»).

Образ Поль написан в становлении: интрига «Любопытной» не нарушает равновесия между фигурами потенциальной *femme fatale* («его влекла таившаяся в ней опасность») и терпеливой, преданной, женственной спутницы. Писатель-монархист, считавший революционеров преступниками, восхищается «мятежной, рожденной для непослушания, истинно русской» принцессой. Культивируя в сознании Поль андрогинное начало, Небó называет принцессу мужским вариантом ее имени (*Paul!*) и женскими версиями имен «гениев» (Горация, Алигьера). Перевоплощение прин-

цессы (в русского графа) позволяет философу экспериментировать с ее идентичностью, балансируя на недвусмысленных гранях (в переодетую Поль время от времени влюбляются женщины). Стремясь же поразить воображение принцессы картинами разврата и злодеяний, Небó (Пеладан) иной раз достигает неожиданного эффекта, возникающего если не в сознании принцессы, то в воображении читателя: в финале одного из пятнадцати эпизодов неторопливое повествование неожиданно ускоряется, творящееся вокруг зло сгущается до гротеска, а добродетельная Поль выхватывает нож и закалывает одного из злодеев. Принцесса, похоже, не верит в свое идеальное предназначение даже тогда, когда рефлексия Небó обрывается на полуслове, а в дверь дома автора стучит судебный исполнитель: Поль желает «быть счастливой» здесь и теперь, «в водовороте жизни». Но опытная куртизанка предупреждает Поль – любовь к «мужчине, одержимому несбыточной мечтой» едва ли принесет счастье («когда женщина бросит к его ногам свою красоту, доброту, молодость, он выпьет все в одно мгновение, словно раскаленная на солнце земля – первую каплю дождя»), Пеладан не скрывал, что его тексты походят на книги «лишь тем, что имеют переплет»¹³, и «Любопытная» – задолго до «нового романа» – становится примером смешения жанров. Так, метафизическая рефлексия о происхождении человека, судьбе

---

¹³ Beaufils C. Joséphin Péladan (1858–1918), essai sur une maladie du lyrisme. Grenoble: Jdrome Millon, 1993.

христианства и месте художника в обществе помещается в контекст оргии в парижском особняке: принц, сожительствующий с проституткой, ностальгирует о былой славе своего титула и пытается выяснить, отчего талантливый портретист Небó прячет ото всех свои рисунки.

Рисунки Небó – поиски формы – выполнены карандашом или куском угля. Атмосфера романа – тьма, со скользящими по ней отсветами и бликами («тусклый свет висевшей над дверью лампы тонким лучом разрезал темную гравюру»), Париж – современный Вавилон, символ «конца века» – предстает средоточием порока, городом-оргией, но также серией внезапных, таинственно-прекрасных, оккультных эскизов:

«Внезапно, словно из-под ладони дискобола-великана, разорвавшего тяжелые облака, в небе засияла полная луна, рассыпав над Парижем серебряный дождь. Выступили контуры куполов, побледнели красные пятна уличных фонарей, рассеялся туман, и в бесконечную даль растянулся чудовищный город, спящий беспокойным сном, тревожимым видениями».

В Париже Пеладана площадь Пигаль – место легкомысленных удовольствий – называлась площадью Мартир, Внешние Бульвары были границей города, а базилика Сакре-Кер – еще только деревянными строительными подмостями на земляном полотне. Но художник (писатель?), «непостоянный в любви и мятежный душой», стремился запечатлеть фрагмент уходящего столетия, придав ему «самую от-

четливую форму, самое красноречивое выражение».

Елена Быстрова

Любопытная Второй роман этопеи «Закат аатинского мира»¹

*МОЕМУ БРАТУ И УЧИТЕЛЮ, ДОКТОРУ
АДРИАНУ ПЕЛАДАНУ МЛАДШЕМУ²,
отравленному 29 сентября 1885 аптекарем
Вильмаром Швабе из Лейпцига, отославшему ему,
вместо одной тысячной, одну десятую стрихнина –
дозу, достаточную, чтобы убить 1 250 человек*

Посвящение

ИТАК, изведав грань между добром и злом, ты проник сквозь завесу, отделяющую жизнь от смерти. Сейчас ты на пути к истине, милый брат, дорогой учитель! Лечивший болящих, ты излечился от суеты и обрел вечный покой. Вечный любопытствующий, ты познал мир и отправился познавать вечность.

На этой книге стоит твое имя – доброе имя нашего отца, которое я уберег в наше преступное время. Мой голос не слышен в пустыне – чтобы говорить о добродетели, я принужден надеть маску порока. Философ-контрабандист, я

несу между страниц романа частицу поведенной тобой тайны. Я – лишь самая известная из твоих идей.

Страшная смерть избавила тебя от страшной жизни. Среди варваров – своих и чужих, военных и их ружей, буржуа семьдесят второго и их гильотины нет безопасного места для человека думающего, ставшего главным обвиняемым и всеобщим врагом. Забрав тебя в семьдесят первом, воинская повинность настигла меня в восемьдесят пятом. Француз и католик, ты погиб от руки немца-протестанта, я же пишу эти строки, подвергаясь смертельной опасности – в тюрьму меня бросили закон и французская армия. На земле никогда не будет ни свободы, ни справедливости, ни прогресса. Бои за правду непременно будут проиграны. Наш долг, тем не менее, – сражаться без устали, словно не надеясь на победу. Бог обещал нам идеальный мир – вечность исполнит наши желания. Человечеству останется лишь час: молящейся – прочесть молитву, художнику – окончить творение.

Твоя жизнь указала мой долг – я стану преследовать божьих врагов. Повинуясь зову пророков, я пойду по следам твоих ран, по земле поверженной Франции.

Тебя не приняли и осмеяли ученые мужи – я не признаю их сообществ: у закона, у шедевра – один автор. Тебя пытали военные – я не подчинюсь кровавому долгу, оспорю славу оружия, отвергну патриотизм. Тебя обманули и предали монархисты – я посмеюсь над их титулами и властью. Тебя терзали провинциальные буржуа – я расскажу правду об этих

лживых глупцах. Я стану прославлять гуманизм и личность.

Я открою для всех книгу Еноха³ и прилюдно прикоснусь губами к туфле папы – единственного земного владыки, которого я признаю.

Дай мне знание, как давал всегда, милый брат, воплощение разума, волшебник, ставший святым. Когда я стану просить тех, кто любит меня, помолиться о спасении ждущих Суда, пусть мои книги станут книгами милосердия. Пусть несколько написанных мной страниц прочтут твои новые братья – ангелы.

Жозефен Пеладан

Париж, тюрьма Белтиас

15 ноября XIV года
ВОЕННОГО ТЕРРОРА

Пролог

I. Платонический флирт

– ВЫ СЛИШКОМ пристально смотрите на меня, мсье.

– Я недостаточно учтив?

– Вы чересчур учтивы, говорю же вам!

– Подобно солнцу, вы притягиваете взгляд.

– Солнце ослепляет того, кто поднимет на него глаза.

– Мой восторженный взор ослепил бы и вас, если бы вы могли читать мои мысли... Я думаю, что вы...

– Я?..

– Андрогин⁴!

– Андрогин – это вы, мсье!

Резко отвернувшись, она стала наливать чай. Необычный поклонник вернулся в кресло и вновь стал разглядывать собеседницу.

Он и в самом деле смотрел на нее слишком внимательно – неподвижным, не моргающим взглядом старых портретов, проникающим в самые сокровенные уголки души. Это не был обволакивающий, искоса смотрящий взгляд священника, ни трепещущий взор художника, стремящегося впитать и в подробностях запомнить красоту, ни восторженно-безумный взгляд любовника, ни исполненный желания

взор поклонника, ни мельком брошенный взгляд любопытного, ни приводящий в оцепенение взор покорителя – Моисея, Наполеона, Аттилы. Расширенные движением мысли зрачки были подобны глазам Эдипа, стремящегося разгадать тайну Сфинкса⁵. Его взгляд был сосредоточен, преисполнен усилия, словно перед ним задрожал мираж истины. Увидев принцессу, Небб будто отведал любовного напитка – он стал невидим, словно надел волшебный перстень. Он укрылся в дверном проеме и погрузился в мысли о девушке, уподобившись художнику, поглощенному созерцанием «Тайной Вечери» на стене монастыря Санта-Мария-делле-Грации⁶. Небб смотрел на принцессу, позабыв обо всем. Забеспокоившись вдруг о том, чтобы его поведение не показалось непристойным, он задумался о силе ее очарования.

Когда она вернулась к столу, на котором стоял самовар, он выпрямился во весь рост – он наверняка был очарован, при этом, он очаровывал сам. Медленно, будто во сне, он подошел и встал рядом, не произнося ни слова.

Поглощенная занятием Гебы⁷, принцесса ощутила его присутствие, не успев увидеть. Она нахмурилась, на лбу появились складки досады; подвинув вдруг неловкими движениями чашки, она окликнула его. Их взгляды встретились, и она увидела сильное волнение, передававшееся ей.

Принцесса тотчас поняла, почему вот уже целый час ощущает какую-то неловкость, раздражение, желание обернуться-

ся, словно кто-то идет за ней следом, то дотрагиваясь до платья, то прикасаясь к плечу. Это невидимое внимание мужчины, чьего имени она не знала, и чьи черты едва заметила при официальном знакомстве, приводило ее в еще большее негодование. Подобно оскорбленной Семирамиде, она бросила на наглеца один из тех придуманных Бальзаком испепеляющих взглядов, которые «окинув мужчину с головы до ног, низвергают его до дна и превращают в ничтожество». Однако смельчак принадлежал к числу тех, чей ум превосходит самолюбивый нрав Растиньяков⁸. Он отвечал ей с прежней улыбкой и странным спокойствием, и она растерялась, словно королева, чей жезл, в самую минуту приказания, раскололся на части.

Женская интуиция подобна вспышке молнии: с быстротой электрического разряда она пронизывает размытые контуры женской души, открывая перед ней истину, для доказательства которой мужской проницательности требуется время. Наделенный рассудком мужчина предугадывает, женщина – интуитивно ощущает с животной точностью и, обладая большей чувствительностью, внезапно осознает силу влечения.

Волна чувств всколыхнула сердце принцессы – она была возмущена, польщена, заинтригована. К слову, которое она ему вернула, не поняв смысла, словно приклеился раздражавший ее знак вопроса. Зал тем временем опустел, и она осталась наедине с мужчиной, не дрогнувшим перед ее гне-

вом. Между ними, казалось, возникло нечто особенное – не любовь, но чувство, которого она пытливо желала и страшилась одновременно.

Вечер был окутан очарованием русских парижских салонов, где все – от изысканной атмосферы до женской красоты – наполняет французский стиль сладким ароматом экзотики. Пол и потолок широкого, как галерея музея, зала были отделаны многоцветной тканью, стены – обтянуты кожей, тронутой позолотой. Картины современных художников в не сочетавшихся друг с другом локальных тонах чередовались, словно метопы с триглифами, с развешанными на стенах черкесскими ружьями, украшенными золотыми и серебряными узорами.

Предметы обстановки подтрунивали друг над другом: рядом с тяжелым сервантом изогнулся хрупкий столик для писания писем, византийские покрывала тонули в глубоком кресле, полосы гладкого паркета зигзагами прорисовывали табуреты в стиле ампир. Непоследовательное нагромождение старых предметов, которое ныне можно видеть всюду, осложнялось в особняке княгини Вологда своеобразием азиатской России. Зал оканчивался эстрадой, поднятой на пять ступеней и залитой светом из широкого сводчатого окна, выходившего в парк Монсо⁹. На этом возвышении принцесса расположила мольберт, папки с рисунками и книги, разбросанные с мальчишеской неаккуратностью. На противоположном конце зала, у монументального камина, зябко кута-

ясь в меха, не умолкала, с живостью и остроумием светской дамы ушедшего века, старая княгиня с густо запудренными седыми волосами:

– Моя племянница – истинная русская! Я хочу сказать, что Москва должна всерьез обеспокоиться, как бы она не задумала взорвать Кремль! Я могу понять мужчин, которые мечтают на ней жениться, но, как и граф Ростопчин¹⁰, не стану рекомендовать ни повара, ни невесту, а эту – в особенности.

В ответ на протесты графа Норудина, блестящего посольского советника, она добавила:

– О, я не менее вас очарована ею! Но моя племянница – необузданна, неудержима, неукротима, никаких слов с приставкой «не» не будет достаточно, чтобы описать ее мятежную натуру, воспитанную для неповиновения. Принцесса Рязань никогда не уронит своей гордости; остальное – в руках Бога, дьявола или ее собственных фантазий.

– Пожалуй, после исчезновения д'Эсте¹¹ она станет самой эротичной парижанкой. Ее очарования следует страшиться.

Эти слова Антара, мучимого непреодолимым желанием рассказать о своем наваждении, вывели Небó из его мечтаний.

– Я восхищен таинственной силой вождения, приведшей меня сюда, – продолжал скульптор. – Я стал приходить к старой вдове, чтобы хоть мельком видеть племянницу. Увы, мне не сбросить с плеч туники кентаврессы! Меня влечет

андрогинная красота, как героя греческой трагедии – его участь. Но и ваш взгляд – не взгляд вежливости, вы не сводите глаз с этой девушки.

Приятная и едва ощутимая истома наполняла беседы хорошо знакомых людей, создавая атмосферу доброжелательности и умиротворения.

Принцесса угощала всех чаем с непринужденностью юного пажа, переодетого девушкой.

Ее тело было гибким, движения – уверенными и внезапными, но слаженными. Сложением она походила на моделей Мانتеньи¹², стройность не портила красоту ее плоти. Ослепительно-белая кожа была такой тонкой, что проявлявшиеся при малейшем волнении вены проступали сквозь молочную гладь бледнолазоревой сеткой – эти рассыпавшиеся бело-голубые нити значили, что она краснеет. Для ее высокого роста лицо казалось миниатюрным, как у статуй Микеланджело: черты осложнялись неожиданными гранями, напоминая лица на портретах да Винчи. Ее волевой профиль, напоминавший профиль юного Салаино¹³, мог бы изобразить Пасторини ди Сиенна¹⁴. Глаза сверкали как изумруды, усыпанные золотыми блестками. Веки бросали тень густых ресниц, затушевывая взгляд волнующим полусветом. Нос был безупречной формы, но чуть широкие ноздри беспокойно поднимались, безошибочно указывая на чувственность. Лоб, недостаточно высокий, чтобы красиво выглядеть открытым, за-

мыкал игру света. Чуть круглый в покое рот в улыбке обозначал изгибы изысканного соблазна.

На ней было черное бархатное платье, с неглубоким вырезом и без рукавов – ни цветов, ни украшений. Высокая пройма обнажала великолепные руки. Собранные в простой узел и поднятые на макушке волосы походили на золотой нимб. Изо всех хвалебных речей лишь мадригал Гете подходил идеально: «Вы – женщина, но способны вскружить им головы».

Прохаживаясь по залу, принцесса незаметно изучала отражавшееся в зеркалах лицо Небó и находила в его чертах некоторое сходство с собственными.

В отличие от характерной внешности, навязчивой для глаз и исполненной безудержного высокомерия, его красота была поблекшей. «Когда-то он был красив», подумала она, и это восхищение чем-то безвозвратно ушедшим из облика еще молодого мужчины объясняло былое очарование его лица.

Жизнь отесала и стерла его черты, сделав их изысканными и печальными. Коротко состриженные русые волосы, должно быть, когда-то были белокурыми. Бледность и потухший, но по-прежнему волевой взгляд; губы, мягкие от страстных поцелуев и гримас бессилия; осанка – все, даже манера держаться, указывало на усталость. Под фраком угадывались контуры тела – безукоризненные в юности, теперь они почти шокировали женственностью изгибов. Форма носа, линия лба, изломы скул отражали животворящее влияние солнца и

неземных существ, заключающих в своей двойственной природе четыре части божественного и одну – земного.

Принцесса смеялась, вокруг нее собрались поклонники. Казалось, она от чего-то отказывается. Небó увидел, как она подняла тяжелый стул, взяв его за спинку – двуглавая мышца выступила под гладкой кожей, очертив плечо. Непривлекательное у мужеподобной циркачки или крестьянки, это напряжение плоти было необычным для тонкой женской руки. Такая демонстрация силы словно раздевала принцессу перед глазами Небó, обнажая упругую подколенную впадину, тугую плоть лодыжки, указывавшие на силу в сочетании с изяществом. За взглядом скульптора последовал взгляд психолога – осознание, при виде напряженной мышцы, столь же внезапной силы чувств заставило его вздрогнуть. Он представил себе, как в минуту альковной страсти русская принцесса доводит до изнеможения своего покорителя. Ее привлекала в нем тайна – его влекла таившаяся в ней опасность. Они то сближались, то избегали друг друга – он страшился ее красоты, она опасалась его слов, и в их сердцах не было любовного волнения. «Андрогин! – Андрогин – это вы, мсье!». Они судили друг о друге по единственному слову – принцесса мучительно не понимала его и сердилась.

Княгиня заметила дурное настроение племянницы:

– Некто или нечто беспокоит вас, Поль?

– Слово, которым назвал меня мсье...

Не зная имени, она показала рукой в его сторону.

– Вам не дозволено, мадемуазель, забывать имена моих гостей... до тех пор, пока они не покинули дом. Каким же дурным словом, мсье Небó, вы обидели мою чувствительную племянницу?

– Изысканным словом из кельто-пеласгической загадки – похвалой художника. Красота принцессы состоит из двух равных частей – грациозности девушки и очарования юноши, стало быть, ее душа также включает эту двойственность. Я приветствовал гармонию ее природы, обладающей очарованием мужского и женского начал, и заметил тем самым, сколь тщетны любые ухаживания – самодостаточным андрогинам чужда любовь.

– Вы, должно быть, необычайно интересный собеседник, мсье Небó, – сказала княгиня, удивившись его интеллектуальному превосходству

– Ваша обидчивая племянница думает иначе. Посчитав себя оскорбленной моим хвалебным сравнением, она не угостила меня чаем.

– Неужели? – рассмеялась герцогиня. – Тогда суд отказывает истице в удовлетворении ее требований и велит ее напоить мсье Небó чаем.

Поль с обиженным видом направилась к столу, где стоял самовар; Небó последовал за ней.

– Вы наябедничали тете, словно маленькая девочка.

– Я хотела посмотреть, как вы станете оправдываться. Весьма непорядочно – обращаться к девушке со словами, ко-

торых она не понимает. Герцог Шуази сказал однажды в мой адрес дурное слово, значение которого я узнала лишь много погодя.

– Стало быть, женская справедливость предписывает умным людям расплачиваться за проступки глупцов? Я встречал этого герцога – он глуп, как принц.

– Я – принцесса, мсье Небó.

– Если бы вы были только принцессой!

– Я была бы еще и принцессой!

– Вы были бы никем. Быть принцессой – значит держать палача на клочке земли. А есть ли в Рязани виселица, на которой, чтобы вам угодить, раскачивается тело врага? Нет. Стало быть, не имея земли, вы – принцесса красоты, вы можете стать принцессой добродетели или даже порока, но титул без власти смешон! Сумасшедший, сбежавший из Бисет-ра¹⁵ и назвавшийся греческим правителем, не будет выглядеть нелепее Нимского герцога – разбив уличный фонарь, и тот, и другой окажутся за решеткой.

– Стало быть, вы – нигилист, поборник равенства?

– Я – сторонник неограниченного неравенства, но верю лишь в индивидуальные заслуги. Титулованные аристократы, когда-то совершавшие Крестовые походы, ныне занялись ростовщичеством; вельможи-католики увлечены поиском не Святого Грааля, но золотых монет в навозе конюшен. И это не мешает им продолжать величать себя вельможами-католиками и титулованными аристократами. Называть мошен-

ника верноподданным, что за абсурд! Слава предку, бывшему герою, но позор потомку, ставшему алчным глупцом! Неужели следует прославлять интеллект двадцати поколений идиотов лишь оттого, что прапрадед был умен! Подобно тому, как в религиозном ордене надо всем главенствует солидарность, личность должна стоять выше всего в светском обществе, а титулу положено умереть вместе с тем, кто его заслужил. По-вашему, любой из племянников Бальзака вправе присвоить себе авторство «Человеческой комедии»¹⁶ – титул, который стоит короны Карла Великого?

– А что же порода, мсье Небó?

Он снял перчатку:

– Сравните вашу руку принцессы с рукой простого человека.

Без перчатки кисть его руки казалась неестественно длинной; запястье было узким, ногти – выпуклыми, пальцы – столь тонкими, что показались бы ненастоящими даже на руках флорентийской мадонны. Смутившись, Поль постаралась переменить тему разговора.

– Даже монахиней я бы предпочла называться принцессой, само слово возвышает нас во многих отношениях.

– Я с вами согласен! Разумеется, я не стану отрицать очарования слов – символических звуков и букв. Принцесса – это слово означает красоту и власть, являя взору почести, эскорт из пажей и великолепно одетую девушку, на лице которой – высокомерие и скука. Но это лишь литературный об-

раз – сегодня прекрасных дам можно встретить лишь на полотнах художников и страницах романов.

– Вы забыли выпить свой чай.

К ним подошел виконт д’Астиош.

– Принцесса, не сыграете ли вы со мной в маленькие бумажки?

Ничего не ответив, Поль оставила гостей. Прошла минута.

– Мадам, не окажите ли вы мне любезность, позволив нарисовать портрет принцессы Рязань и подарить его вам? – обратился Небó к княгине.

– Я была бы рада, если бы принцесса сама этого захотела, мсье, но сложившиеся между вами отношения... Более того, на вас обидятся мои гости, которых вы лишите удовольствия общаться с моей племянницей: они приходят в мой дом для того, чтобы ее повидать.

– Я согласна, – сказала появившаяся вдруг Поль. – При условии, что мсье Небó закончит рисунок до того, как пробьет полночь.

Небó сдержанно поклонился:

– Принесите две лампы и поставьте на этот стол – он послужит преградой между рисовальщиком и моделью. Никто не должен приближаться к эстраде.

Антар лихорадочно теребил свою шляпу.

Принцесса, внезапно превратившись в озорного мальчишку, побежала устанавливать лампы, с шумом перевернула стол и, спустившись с эстрады, с церемониальной граци-

озностью подала Небб карандаш для рисования.

Тот взял карандаш и, театральным жестом бросив шляпу через плечо, дал клятву матадора, превратив это пугающее заклинание в поэтичную насмешку.

– Клянусь в присутствии ваших подданных завершить портрет принцессы Рязань до полуночи, вложив в него все свое мастерство!

Восхищенная Поль захлопала в ладоши.

– Садитесь, держитесь прямо, руки сложите под подбородком, смотрите на меня... Прекрасно.

– Отчего прямо?

– Чтобы нам было удобнее общаться!

– Для чего же нам общаться?

– Чтобы лучше узнать друг друга!

– Лучше узнать друг друга?

– Разве оказался бы в моей руке этот карандаш, не будь он волшебной палочкой? Благодаря ему вы – во власти моих слов. Подумайте только, какие немыслимые усилия нужно приложить, чтобы добиться двухчасового свидания с вами! Ухаживать за вами, писать письма, говорить слова любви и прочий вздор! Предположим, вы согласились бы на встречу. Где? В фиакре, в меблированной комнате, волнуясь о том, как выйти из дому, как вернуться, опасаясь всего на свете, в самой уродливой обстановке и, наконец, при самых ужасных подозрениях! Здесь же все окружение – на нашей стороне. Риска лишь мыслями, мы – в идеальном положении. При-

знайтесь, Поль: если бы в девять вечера вам сказали: «Через час вы согласитесь на двухчасовое свидание с незнакомцем», вы возмутились бы, посчитав это решительно невозможным! Тем временем...

– Неужели вы заключили пари? Поспорили с Антаром, что добьетесь со мной свидания?

Поль привстала с места, но успокоилась, увидев выражение его глаз.

– Гнев делает вас божественно красивой, но неужели вы не видите, сколь велико мое уважение к вам?

– Вначале вы уверяли меня в своем восхищении. Теперь вы говорите об уважении.

– Я уважаю идеальное начало и вашу невинность¹⁷, целомудренная принцесса!

– Вы приготовили красивое признание в любви. Несмотря на оригинальную форму, ваши слова повторяют тирады юнцов, которым глоток крепкого напитка добавил отваги.

– Маленькой девочкой вы наверняка разгадывали загадки. Вы часто находили правильный ответ?

– Всегда! Что вы хотите сказать?

– Дети сказали бы «холодно».

– Разве вы не устроили свидание, чтобы признаться мне в любви?

– В любви? Нет. Я хотел признаться вам в родстве наших душ.

Принцесса была восхитительна в своем изумлении.

– Поднимите немного подбородок... Прекрасно! Стало быть, вы подумали, что я стану флиртовать за мольбертом, обманом приглашая вас к порочной страсти? И вместе с тем, принцесса, едва ли хоть один мужчина был вам ближе, чем я в этот вечер. Если бы мне вздумалось поцеловать вас, взбунтовалась бы ваша гордость, но вы не ощутили бы ни неприязни, ни разочарования. Прикосновения моих рук и губ не вызвали бы влечения, но и не отвратили бы вас. Я скажу больше: лишь я один смог бы доставить вам иллюзию наслаждения. Я хочу, чтобы вы отдали мне драгоценный ключ, открывающий двери к вашему сердцу. То краткое мгновение, которое мы проведем наедине, считайте меня своим старшим братом, который странствовал по далеким краям и вскоре вновь отправится в путь. Рисуя ваши черты, он стремится запечатлеть их в своей душе и поведать вам часть великой загадки, которую Бог позволил ему узнать. Вы читали «Серафиту»? Представьте: я – Серафитус, вы —

Минна, наши стопы касаются гладкого холода горы Фальберг...¹⁸

– Я хотела бы прежде услышать признание в родстве душ, – перебила Поль.

– Слушайте внимательно. Давным-давно существовало три начала. Мужское начало произошло от Солнца, женское было рождено от Земли, Андрогинное начало было создано Луной и заключало в себе первое и второе. Однажды гармоничные андрогины стали представлять опасность – будучи

равнодушными к любви, занимавшей жизнь мужчин и женщин, они пожелали развлечься и попытались взобраться на небо, чтобы свергнуть бессмертных богов. «Разделите их надвое!» приказал Зевс, и всякий андрогин оказался разделенным на мужчину и женщину. С тех пор каждый устремился вслед за второй половиной, тоска же по ней воплотилась в альковной любви – попытке на мгновение, слившись воедино, вернуться к первоначальному состоянию. Но тогда как тела превратились в мужчин и женщин, души остались андрогинными. Таковыми были гении – Платон, Святой Иоанн, Леонардо, Шекспир, Бальзак, Юдифь, Жанна Д'Арк. Их талант или подвиги обладали силой и красотой в равной пропорции. Гении и герои всегда андрогинны, обладая сердцем женщины и разумом мужчины. Не все андрогины непременно совершают великие деяния или создают прекрасное. Они, тем не менее, неспособны к низким страстям и равнодушны к заурядным радостям. Подобно вдохновителю Прометею, они несут в себе огонь великих замыслов – встретившись, они тотчас узнают друг друга.

– Каким же образом? – спросила Поль.

– Их встреча есть встреча душ, при которой плоть умолкает. Когда внезапно стихает влечение, они вновь становятся примитивными андрогинами, чьи тела не стремились друг к другу. Несколько часов назад, не будучи знакомыми, вы и я не желали, но искали друг друга.

Принцесса слушала с невыразимым удивлением – от чрез-

мерного внимания ее глаза покраснели. Небб заговорил вновь – его тон становился все серьезнее:

– Мы, андрогины, приходим в этот мир с обремененным разумом. Природа требует, чтобы в определенном возрасте мы дали жизнь, но мы неспособны сделать это вульгарно. Увидев мою радость, восторг, возрождение разума при встрече с вами, вы можете судить о том, сколь часто претитло мне уродливое! Я уходил, отворачившись, не дав жизнь. Я продолжал мучительно нести в себе плод, которым не смог разрешиться. Я торопливо и беспокойно стремился к прекрасному. Встретив вас, я тотчас обрел то, что искал – создав свой лучший рисунок, я воплотил сокровенную мечту. Вообразите на мгновение, что нас связывает высокое чувство, что я веду вас по пути к высшему состоянию так же, как вы меня. Предположите, что я вдохновляю вас столь же сильно, сколь вы меня. Мы можем повторить платоновское кредо: «Вместе или порознь, мы будем помнить о том, что вдвоем создали это творение любви. Эта связь отлична от той, что роднит родителей и детей, но столь же тесна! Нас объединяет нерушимая любовь, рожденная для прекрасных чувств и бессмертных идей».

Карандаш сломался в дрожащих пальцах Небб. Сухой звук заставил Поль вздрогнуть, словно пробудив ото сна. Ее лицо зарделось, мочки ушей порозовели, от напряженной сосредоточенности сквозь кожу лба проступили вены – она старалась понять эти необычайные идеи. Откровения плато-

низма наполняли ее религиозным чувством. Поль гордилась тем, что к ней были обращены трансцендентальные речи, но едва ли была к ним готова.

Продолжая рисовать, Небб заговорил вновь:

– Если бы вы знали, сколь прекрасен идеал, воплотившийся в вашей красоте... Не опускайте ресниц, это меняет выражение глаз... Считайте меня единомышленником, которому вы можете рассказать обо всем – я готов предпринять столь многое... Я читаю в ваших глазах недоумение: «Что ему нужно от меня?» Я отвечу вам – последний штрих в моем рисунке станет соглашением между нами.

– Соглашением?

– Как брат и сестра, мы должны защитить друг друга от животного начала, притаившегося внутри нас, и глупости, нас окружающей. Я знаю, я чувствую, как тесное платье благопристойности рвется на вашем теле повсюду – страсть к приключениям, жажда неизведанного, желание запретного стремятся из глубин вашего существа. Стало быть, чья-то рука должна остановить вас у края обрыва и увести в безопасное место, не позволив запачкаться.

– Вы предлагаете мне платоническую любовь? – отважилась принцесса.

– Истинную любовь – она позволит двум сердцам дать жизнь в идеальном единении, вне альковной страсти.

– Между вашими словами и моими понятиями лежит пропасть.

– Ее заполняют размышления – мои слова останутся в вашей памяти, Поль.

Услышав свое имя, Поль вздрогнула.

– Оставим геральдику глупцам: для меня вы – Поль, наследница мегарийки Диотимы¹⁹. Зовите меня Сократом и станьте моим Алкивиадом²⁰ – я научу вас вольнодумству.

Эту необычную беседу то и дело прерывали паузы. Художник спешил, бросая на свою модель быстрые взгляды.

– Ваши речи удивительны, но я не представляю себе их воплощения. Даже если бы я согласилась с вашими словами о родстве наших душ, вы не сможете приходить и писать мой портрет бесконечно. Ребяческую идею переписки, даже платонической, я не допускаю ни на минуту. Жаль, что вы не состоите в числе тетиных знакомых.

– Я принадлежу к людям, с которыми возможно встретиться лишь тайно. Когда в вашей жизни наступит время любопытства, час Евы, вы придете ко мне и скажете: «Небó, я чувствую, как становлюсь Пандорой, откройте же ящик, но не прищемите кончики моих пальцев!». Я его открою – ни один из ваших молочно-розовых ногтей не потускнеет.

– Вы уверены, мсье Небó, что в мыслях брата не окажется кровосмесительных фантазий?

– Никогда. В качестве любовницы принцесса Рязань меня не интересует. В постели, одержимая животной страстью, женщина превращается...

– Мсье!

– Доложите об этом тете. Но прежде послушайте одну историю. Давным-давно, в античные времена жила девушка, служившая моделью художникам. Она была столь красива, что другой такой модели нельзя было найти. Однажды она забеременела, и опечаленные художники позвали врача, который избавил ее от нежеланного плода. Это преступление позволило художникам и дальше создавать шедевры. Андрогинная девушка не должна давать жизнь физически, она может зачать лишь в душе. В день, когда вы забеременеете, оказавшись во власти животного начала, забыв о своем предназначении в объятиях Ловеласа²¹, не зная о разочаровании, на которое он обречет вас, когда вы обовьете руками шею гнусного Фавна, я нанесу удар в самое ваше лоно. Оно откроется, явив посвященным целомудренный тайник андрогинного начала. Я стану врачом, который исторгнет из вас вожделение, лишит альковную страсть поэзии и смоем пятна низких желаний. Когда ваш разум, вслед за моим, возобладает над телом, я возьму вас за руку. Вместе мы отправимся на поиски истины!

Пробила полночь, и гости устремились к эстраде.

– Подождите! – решительным жестом приказала Поль. – Чего же вы хотите от меня, мсье Небó?

– Я хочу, чтобы вы не наделали глупостей и всегда оставались восхитительной.

– Вы не спрашиваете, согласна ли я.

– Девушку следует спрашивать лишь о том, что она знает.

Вы еще не знаете.

Он встал и протянул ей рисунок.

– О! – воскликнула Поль. – Вы *идеализировали* меня.

Она побежала через весь зал, по-мальчишески перепрыгивая через ступеньки.

– Взгляните! – она протянула рисунок тете. Княгиня надела пенсне – вслед за ней, на мгновение забыв о рисовальщике, гости вытянули головы, чтобы посмотреть на портрет.

– Мсье Небó, это настоящее перевоплощение! – сказала княгиня, не отрывая глаз от рисунка.

Обращаясь к племяннице, она добавила:

– Позировать для такого рисунка – все равно, что стать бессмертной, моя милая. Но где же вы, мсье Небó?

– Он ушел, – сказал Антар.

Княгиня покачала головой.

– Талантливый рисовальщик может позволить себе нарушить правила. Я готова разрешить каждому преподнести шедевр вместо прощального поклона.

– Княгиня, этот рисунок уникален! – воскликнул Антар, запинаясь от волнения. – Сам Леонардо не создал бы... Я пошел бы на воровство, чтобы обладать им! Принцесса, я готов изваять вашу статую – отдайте мне рисунок!

Поль выхватила рисунок у него из рук.

– Скорее я отдамся сама! – воскликнула она.

За этими словами последовала тишина – княгиня не верила своим ушам, а собравшиеся переглянулись, поразив-

шись столь сильному волнению принцессы. Лишь благодаря своей красоте Поль не оказалась в смешном положении. Едва она ушла, унеся с собой рисунок, гости торопливо стали прощаться.

Их светские умы отказывались функционировать в атмосфере, наполнившейся метафизической рефлексией. Пустоголовые материалисты чувствовали, что кто-то словно выставляет их за двери. Дух Платона, вызванный Небó, действительно выгонял их на улицу.

II. Небо

– ЭТО необычный человек, но кто он? Мы никогда этого не узнаем. Однажды, случайно встретившись с ним в довольно позднее время, я спросил его «Кто вы?». «Вы столь уверены в моей добродетели, что решились задать мне такой вопрос?» ответил он с боддеровской улыбкой на лице²². Художник? Никто не видел его картин. Модели говорят, что он – сумасшедший: то он велит им одеться, едва увидев обнаженными, то подолгу смотрит на их тела, не прикасаясь к холсту... Небó часто выходит в свет, объясняя это так: «До тех пор, пока я остаюсь у себя, мне никто не нужен, и люди докучают мне. Когда я теряю к себе интерес, я иду в свет и становлюсь общительным». Ходили слухи, что он прячет у себя темнокожую подружку Жерара де Нерваля²³, водит дружбу с блестящими умами вроде Берюгье и, словно Эли-

фас Леви²⁴, – в вечных поисках философского камня. О нем столько всего говорили, что теперь уж нечего добавить. Едва ли найдется дипломат, под чьим одеянием скрыто столько тайн.

Это было все, что смог ответить Антар на расспросы принцессы, и едва ли кому-либо было известно больше. Даже консьерж ничего не мог сообщить. Небó жил один в небольшой гостинице на улице Гальвани, между площадью Перейре и крепостной стеной. Его слуга был стар и молчалив, поэтому никогда не разговаривал с торговцами. Один лишь почтальон смог помочь расследованию, сообщив две интересные подробности. Небó получал письма, написанные всегда одинаковым – мужским – почерком. Из периодических изданий ему приходили два – библиотечный бюллетень и судебный вестник. Стало быть, у него был лишь один близкий друг и два увлечения – новые книги и недавно совершенные преступления. Кроме этих сведений, слишком разных, чтобы складываться в цельную картину, жизнь Небó характеризовала одна черта – одиночество. Праведник, поглощенный мыслями о Творце; гений, влюбленный в свои творения; крестьянин, поработенный природой и уподобившийся животному; сумасшедший, одержимый навязчивой идеей – не единственные изгои этого мира. Под действием закона сходства и борьбы противоположностей никто не чувствует себя столь отрезанным от окружающего мира, как житель современных Вавилона или Лондона. Любой из обитателей город-

ских квартир может оказаться отшельником.

Металл ценен своей плотностью, душа человека – благо-родством, закрытым для светской суеты. Вдыхая дурман декаданса в компании самых развратных парижан на протяжении всей молодости, Небó сохранил твердость кристалла, которую ничто не могло разрушить. Он был хладнокровен и непоколебим, и эта стойкость в водовороте столичной жизни объяснялась некой необычной силой. С равнодушием буддистского монаха, вынужденного жить в европейском демократическом обществе, носить фрак и тонко разбираться в современной жизни, он прятал свое презрение к эпохе под маской вежливого интереса. Встретив его в одном из лондонских салонов, недалекие умы были бы восхищены тем, с каким безупречным вкусом одет этот привлекательный щеголь.

Внешне похожий на красавца Браммела²⁵, он использовал имидж денди, чтобы оставаться в стороне, не привлекать внимания, затеряться среди светских статистов, скрывая свое превосходство подобно филантропу, снимающего золотые часы перед тем, как отправиться проводить бедняков. Он владел искусством жить в мире с людьми, уступая им место всюду, где возникают и сталкиваются притязания. Он избегал производить на других впечатление и еще менее стремился удивлять, сам удивляясь тому, что иногда этого подсознательно требовало тщеславие. Благодаря великодушью, заменявшему ему тщеславие, этот замкнутый молодой

мужчина, которого никогда не видели ни веселым, ни грустным, ни захмелевшим, который никогда не произносил ни слова своих мыслей, был вхож во все дома. Его охотно приглашали – его манера носить фрак сочеталась с салонной модой. Повсюду его встречали со спокойным радушием и ценили, как ценят в театре статиста, играющего на сцене роль настоящего актера.

Это был художник, чьих полотен никто не видел, и богач, о состоянии которого никто не знал. Он волновал женщин истинно женским искусством ускользать от них. Он никогда не отказывался от приглашения на поздний ужин, где ел и пил за общим столом, с видимым интересом слушая собеседников. Он способствовал всеобщему веселью, никогда в нем не участвуя.

«Улыбнитесь же, мсье! сказала ему однажды одна актриса. Ваша улыбка вскружила бы головы стольким женщинам!» Когда оргия становилась фаллической, Небó удобно устраивался в кресле: казалось, он испытывает особое удовольствие, сохраняя трезвость и ясность ума среди опьяневших и оскотинившихся сотрапезников. Однажды во время позднего ужина, который граф де Нонанкур давал в честь предстоящей женитьбы, гости зашли далее обычного. Заглянув в восемь утра в Английское кафе, герцог де Нуармутье увидел, как собравшиеся предаются непристойным утехам прямо на полу, в то время как Небó, при безупречно повязанном галстуке, задумчиво курит в своем кресле. Он не изме-

нял своему поведению, избегая общения с женщинами даже в публичных домах, которые посещал в компании любителей плотских удовольствий. Однажды он до боли сжал запястье одной распутной женщины, попытавшейся развратить его поцелуем. Повстречав его в церкви, женщины говорили о его благочестии, мужчины, разделив с ним застолье, — о его веселом нраве. Он пользовался уважением и тех, и других.

Чуть более долгий взгляд прочитал бы в его глазах грусть — в ней не было и призрачной тени надежды.

Небó был слишком горд, чтобы считать себя неудачником, и слишком сдержан, чтобы бороться. Он не выглядел пресыщенным. Воображение принцессы окружило его ореолом таинственности — самым редким очарованием в эпоху обыденности.

III. Зашифрованное письмо

. . . придуманный мною план.

. . узнать людей, изучив их досконально. . . . .

. . . . . выяснить, о чем они говорят между собой и чем занимаются поздним вечером, покинув светские гостиные и театральные ложи. . .

что они делают. . . . . все тайные и порочные стороны. . .

. . . . . я провела целый год, наблюдая и подслушивая, сама оставаясь невидимой. . . . .

выхватывая в день по часу из их разговоров. . . . .

. . . . . любовник. .

. в какой манере он хвастался своими победами перед опьяневшими и развращенными друзьями, в самом разгаре оргии. . . . .

. . . узнать человека как можно лучше, подвергнув тщательному изучению каждый участок его тела, все приближая безжалостный скальпель к живой и трепещущий плоти. Для этого необходимо было встретиться с ним с глазу на глаз, застать его раздетым в спальне, следовать за ним, когда он отправится по питейным заведениям и прочим местам. . . . .

. . . . .

добродетель влечет порок. . . .

. то, что позорит женщину, мужчину приводит в восхищение. . . .

. . . . . молодой мужчина, который волен делать, что хочет,

. . который выходит из дому утром и возвращается утром следующего дня. . . у которого достаточно денег, чтобы тратить их, как ему заблагорассудится.

. . . . . он готов рассказать о своих занятиях в мельчайших подробностях.

Небó улыбнулся, небрежно роняя на стол страницы «Мадемуазель де Мопен»²⁶: строки, подлежавшие чтению, были зачеркнуты. Он был восхищен этой хитроумной выдумкой, позволившей сообщить столько непристойностей, не напи-

сав письма. Он взял со стола конверт, в котором оказалось еще одно письмо: на нем стояли реквизиты портного. Небó вновь улыбнулся и, склонившись над столом, написал решительной рукой:

Госпожа принцесса,

Платье, которое мне выпала честь шить для Вас, по форме напоминает рисунки к поэмам Данте.

Что же касается вышивки эпохи Людовика XIII, то у Вашего Высочества слишком изысканный вкус, чтобы следовать давно ушедшей моде.

Ваш рисунок подойдет для изготовления восхитительного платья, но оно более пригодится для альковных свиданий, нежели для прогулок по городу.

Я остаюсь в Вашем распоряжении, госпожа принцесса, и прошу назначить мне время, в которое Вам будет угодно принять меня для необходимых разъяснений.

С глубочайшим почтением,
W. & Co

IV. Принцесса Поль

ОБЕР-КАМЕРГЕР императора Александра I князь Владимир Рязань погиб в 1866 году, упав с лошади. Несколь-

кими годами ранее он взял в жены польскую графиню Крюковецку, двадцатилетнюю аристократку сказочной красоты, но ужасного нрава, превратившую их союз в круглосуточный ад, заключавший в себе не меньше мук, чем флорентийская геенна. Не случись «счастливого несчастья», как она называла смерть мужа, произошла бы другая драма, коль скоро в самый разгар траура по ушедшему супругу в ее сердце вспыхнула страсть к красавцу-графу Печерскому, затмив своей неистовой силой, как это всегда происходит в русской душе, все иные чувства. Даже княгине Вологда, которая была вольтерьянкой, сделалось не по себе, когда молодая вдова сообщила ей: «Мы с Печерским – без ума друг от друга и завтра же уезжаем в его поместье на Волге. Между альковными утехами и верховой ездой у нас едва ли найдется время для этой маленькой девочки. Я знаю наперед все ваши возражения, но не могу любить дочь, не любив ее отца. Поль дорога вам – позаботьтесь о ней».

Княгиня согласилась. Эта странная худая женщина, утратившая женственность в атмосфере идей восемнадцатого века, была когда-то дамой полусвета; состарившись, она предпочла дипломатию молитвам. Заинтересовавшись политикой, она собрала в своей гостиной всех опальных деятелей, потворствуя вольнодумствам, которые на берегу Невы называли французскими. В душе она насмехалась над нелепой идеей прогресса, но ей непременно хотелось занять себя чем-то особенным, и она чересчур увлеклась ролью конспи-

раторши. Приняв всерьез ее тайные дела, ревностные слуги закона отослали ее из Петербурга, но смиренно понести наказание претило нраву княгини – к тому же, в действительности она была бесконечно предана своему императору. Прихватив с собой маленькую Польшу, она уехала в Париж, где для нее был построен изящный особняк в ренессансном стиле, окна которого выходили на улицу Рембрандта и парк Монсо; вскоре особняк превратился в крыло российского посольства. Император Александр нередко спрашивал у своих министров: «О чем говорят у княгини Вологда?» И все же он не мог простить ей слов: «Не безумец, но русский готов возвеличить императора до святого, соединив два жезла в одной руке, чтобы вернее погибнуть». Убийство императора княгиня встретила со слезами на глазах – она любила спорить с властью, но ужаснулась заговору народовольцев, бросивших бомбу²⁷. «Бедный государь, если бы он мог знать сейчас, как я благоразумна. Его гибель побудила меня встать на сторону самодержавия – такая перемена в сердце старой княгини Вологда равносильна чудотворению, достойному причисления к лику святых». Утратив вкус к политике, она стала искать новую прихоть и внезапно заметила подле себя Польшу, которую до той поры опекала прислуга. Девочка пришлась княгине по душе и превратилась в чудесную игрушку: «Она шумит, перечит, не слушается, мешает людям и портит вещи – у нее столько недостатков, что ее невозможно не полюбить».

Не будь Поль похожа на мальчишку-сорванца, княгиня, чьи гневные попреки наводили ужас на гостей, быстро бы заскучала: «Сколько кукол ты сегодня поломала, маленькая проказница? Ни одной. Если завтра в зале не окажется обломков игрушек, ты будешь наказана». В ответ на приготовленный Поль урок княгиня говорила: «Безупречно, мадемуазель, а теперь сделайте из этого шапку комиссара». Когда Поль исполнилось двенадцать, княгиня устроила вечеринку, где гостям досталась стая бумажных журавликов и флотилия корабликов, изготовленных из ученических тетрадок и книжек принцессы: «Я хочу, чтобы все приобщились к обучающим методам княгини Вологда и выбросили из головы мадам де Ментенон²⁸ – она не единственная во Франции воспитательница благородных девиц».

Поощряя племянницу за лень и всевозможные проделки (урок игры на фортепиано, по совету тети, завершился энергичным ударом ноги по клавишам), княгиня практиковала принцип неприменения наказаний, бесполезных перед неотвратимой силой инстинктов: воспитание оказалось эффективным, и удерживаемая от учебы Поль ревностно взялась за науку. Княгиня, более всего любившая превращать любое дело в абсурд, загромождила особняк всевозможными приспособлениями для постижения знаний и отдала Поль в распоряжение легиона учителей. Лекторы из Эколь Нормаль²⁹, учителя из лучших коллежей и профессора Сорбонны ежедневно толпой приходили в дом и называли Поль «мадемуа-

зель Журден³⁰». В соответствии с одним из требований княгини, Поль запрещалось читать, чтобы не переутомить глаза: одна из учительниц читала ей вслух, пока та не выучит урок наизусть. Чтобы завести подруг среди сверстниц, Поль пожаловалась отправиться в пансион, где стала вести себя, как мальчишка, и пристрастилась к гимнастике – неустойчивой княгини не пришлось оснастить особняк трапециями и гантелями.

В пятнадцать лет принцесса узнала о существовании великого множества полезных развлечений и записалась одновременно на все курсы для барышень – в Коллеж де Франс, Сорбонну, Школу Лувра и Высшие женские курсы. Она возвращалась домой поздно вечером и, измученная и без единой мысли в голове, за ужином передразнивала своих учителей, копируя деланное добродушие мсье Ренана³¹, взгляд мсье Каро³², манеру пышнотелого Шарля Блана³³, начинающего лекцию со слов: «Ах! уважаемые дамы, что за чудный художник Пинтуриккио³⁴!» и властный тон Ледрена³⁵. Терминологическая путаница, смешение сюжетов и категорий, клинописи и химических соединений, толкований древних текстов и ксилографий, хартий и цилиндров, чистого разума и гравюр по дереву, Столетней войны³⁶ и вивисекции, Мальтуса³⁷ и Батибуса и, наконец, непередаваемые бредни некоей мадемуазель Пекюше³⁸ заставляли княгиню смеяться до слез и являли ее взору падение с пьедестала знаний.

На смену науке пришел театр – Поль посещала все утрен-

ние спектакли³⁹. Княгиня даже позволила ей смотреть вечерние представления в сопровождении гувернантки Петровны, которая боготворила молодую госпожу и без колебаний пригласила бы в ложу бенуара юного Линдора⁴⁰.

Из театра принцесса направилась в церковь – увлеченная мистикой, но более всего – благотворительностью, она за четыре месяца раздала одиннадцать тысяч франков милостыни. «Мадемуазель Сен-Венсан⁴¹, сказала на это тетка, пожалейте бедную княгиню, которая до сих пор не привела в порядок опекунские счета».

В семнадцать Поль стала выходить в свет, выезжая на балы и приемы со страстью, свойственной ей во всем. Однажды в салоне герцога Керси ей представилась возможность доказать аристократизм своей души.

Окруженная докучливыми поклонниками, она вдруг заметила неловко державшегося поодаль мужчину. Его костюм был дурно скроен, виски – тронуты сединой. Заметив ее взгляд, компания щеголей изрешетила чужака колкостями дурного тона. Осознав, что над ним насмеются, унылого вида мсье испуганно взглянул на Поль, улыбающуюся грубым шуткам. Увидев выражение лица осмеянного, принцесса направилась прямо к нему и громко произнесла: «Есть лишь один достойный человек, способный спровоцировать насмешки стольких глупцов. Окажите же мне честь!»

Этим патетическим персонажем был бессмертный автор

«Истории форм и идей»⁴². Взяв философа под руку, Поль повела его к гостям, представила всем присутствующим и привлекла к нему всеобщее внимание. Используя все существующие приемы изысканной благосклонности, она принялась его угощать, расспрашивать о его трудах и, наконец, проявила любопытство: «Уважаемый философ наверняка пришел сюда не ради развлечения?». Нет, он надеялся встретиться с министром просвещения и ходатайствовать о скромной должности библиотекаря. С поистине королевской отвагой Поль направилась к герцогу, которого без объяснений увлекла в кабинет, велела тотчас же распорядиться о назначении и вручила бумагу изумленному философу, свободной рукой протягивая ему цветок, мгновение назад украшавший ее волосы. В глазах ученого заблестели слезы: «Принцесса, я обязан вам лучшей минутой своей жизни – красота и доброта соединились воедино, отдав дань науке в моем скромном обличье. Этот вечер я провел в обществе платоновской Диотимы. Мужчина, которого вы полюбите, непременно будет философом и объяснит вам значение этого комплимента».

Поль вспомнила об этом предсказании, когда Небó назвал ее наследницей мегарийки Диотимы: «Мужчина, которого вы полюбите, непременно будет философом и объяснит вам...» Разумеется, она его не любит и никогда не будет любить, но он все же объяснил ей значение таинственного комплимента.

Небб прочел в душе принцессы знак судьбы. Он был ей предсказан, и, признаваясь в родстве их сердец, был необычайно взволнован. Неведомые нам первопричины решают судьбу всякой встречи. Воспоминания обезоруживают застенчивость, и поцелуи смешиваются с картинами прошлых волнений. Воля отступает перед сиюминутностью ощущений, заставляющих забыть о смутных предсказаниях и знаках-предвестниках, подготавливающих сердце к внезапной встрече с весной чувств.

Стало быть, умелые слова Небб были обращены к подготовленной слушательнице, отличавшейся несвойственной женщинам прямоотой и уважением к уму прежде всех других качеств; чувство справедливости диктовало ей быть доброй к некрасивым и защищать отсутствовавших. Не вызвав ни одной дурной мысли, Небб удалось завоевать доверие девушки, которая дралась с мальчишками по дороге домой, вступаясь за младших.

Прошел месяц. Как всякая молодая девушка, от чьего взгляда ничто не ускользает, Поль обнаружила на обратной стороне рисунка адрес Небб. Коль скоро время Евы наступило в ее жизни до знакомства с философом, она, промедлив лишь столько, сколько потребовалось на обдумывание мер предосторожности, приобрела привычку уходить из дому рано, в дни, когда княгиня не принимала гостей.

Ежедневно общаясь с представителями высшего общества, Поль быстро поняла еретическую и малодушную при-

роду персонажей Бальзака и д'Оревилли⁴³ и невероятным образом перенесла свои заблуждения на простой люд. Вначале она грезил о приключениях Родольфа из «Парижских тайн»⁴⁴, затем «Мадемуазель де Мопен», описав прогулки по порочному Парижу, предвосхитила замысел Небб. Поразмыслив, она написала ему письмо – в надежде, что он похитит ее из башни условностей, где злая фея держала ее в плену, вдали от запретной тайны мужского начала.

V. Замысел Небо

КОГДА семя редкого цветка подхватывает ветер, как знать, что за почва ему уготована – плодородная или стерильная? Сила страсти, убогость нищеты, враждебная среда одинаково способны лишить душу творческого дара. Человеческая память преклоняется лишь перед гениями, породившими шедевры, Церковь же обещает алтарь только праведникам. Но расточительная память чувствительных сердец по-прежнему будет обращена к сыновьям, чей путь не был увенчан.

Не выносившая плод женщина-наполовину мать, а потерявший неудачу – герой наполовину. Они не смогли дать жизнь, но были ею полны, и в этом – немалая доля их славы. Каждая слеза бессилия падет в ладони ангелов и превратится в бриллиант – драгоценный кристалл, ограненный страданием, однажды искупит наши грехи.

Ничто не остается напрасным – ни желание, ни даже мечта не уходит в небытие, но превращается в тайну.

Венец достается осуществившему задуманное, но лишь жалость ждет неудачника, исчезнувшего во тьме на пол-пути к славе.

В Лионе одна верующая поклонялась неизвестным святым – забытым и не признанным Церковью. Это трогательное отступничество походило на культ неизвестных богов у древних мыслителей – они восхваляли Прометея, не успевшего похитить пламя вечного огня; Просперо, забывшего волшебную формулу и плененного Калибаном⁴⁵; отчаянного доктора Фауста, чью душу проиграл незнакомец, бросив кости наугад; всех тех, наконец, чей прах белеет на пороге пещеры Сфинкса. Проигравшие нередко сражались отважнее победителей – тот, кто носит в себе жизнь, но не увидит появления ее на свет, несказанно несчастен. Для христианина же несчастье есть величие.

Не всякого героя ждет судьба Ахилла, не всякому гению уготована дорога Данте. В их руке нет ни меча, ни книги, но тем величественнее их деяния и поэмы, известные одному только Богу. Нет более эпичного пути, чем дорога сомнения, для святого же нет более драматичного испытания, чем искушение. Обреченная попытка увидеть красоту и найти добро – прекрасное устремление сердца.

Душа – средоточие мира – населена чувствами, нравами, идеями. Они рождаются, живут и умирают, подобно живым

существам. Разум человека вызывает бури страшнее шторма в океане, сердце же способно биться с тем же неистовством, что сердце Иакова, борющегося с ангелом.

Небó обладал величием избранного – в его душе таился героизм, в сердце же был скрыт замысел. Явись ему великие прошлых столетий, он мог бы сказать, подобно Вергилию: «Отдав мне должное, они будут правы». Услышав признание в родстве душ, просвещенный подумал бы о верности в любви и о Россетти – поэте-художнике⁴⁶. Сердце Небó таило нечто большее, чем просто желание. Созидательная сила его замысла раскрылась лишь однажды – в строках, написанных по возвращении от княгини и адресованных Меродаку⁴⁷:

«Торжество человека, сдвинувшего грани невозможного; ликование мореплавателя, услышавшего, как вперед смотрящий кричит «Земля!»; восторг Архимеда, ухватившегося за рычаг; радость Фламея⁴⁸, изготовившего драгоценный сплав! Наступил и мой черед испытать счастье открытия. Мне встретилось существо, безупречное душой и телом, истинный андрогин – материя для идеальной страсти.

«Кто же сохранит чистоту от порока? На зов Нова я отвечу исполнением самого большого чуда, на которое способен человек – я встретил ждавшую меня душу. Она – в моей власти, словно любопытная Ева, ждущая змея-искусителя. Но в моем лице соблазн таит божественную суть: плод пустит сок в моих ладонях, не коснувшись ее губ. Мне

под силу отворотить ее от всех сущих мерзостей, стоит только вовлечь ее в их вихрь. Мне лишь следует искусно растолковать ей природу развратных зрелищ, и ее сердце, пробудившись от безумной ночи, преисполнится презрением к мужчинам и ненавистью к альковной любви. Я освобожу Еву от пут плотских желаний, и, оглянувшись, она увидит лишь Небо⁴⁹ – он станет ей одновременно Адамом и Богом. Я совершу с ней прогулку по порочному Парижу и потоплю в разочаровании последние всплески ее любопытства! В ее нежном сердце останется место для меня одного – соскользнув вниз, ее душа окажется в плену моей души. В эту минуту она превратится в Беатриче, по-женски нежную и по-мужски рассудительную, сестру последователь неоплатонизма – ей будут чужды альковные фантазии. Брат мой! Прекрасное тело, неподвластное инстинктам! Страсть, свободная от одержимости! Сила чувств, не перерастающая в безумие! Ясный разум, независящий более ни от капризов вдохновения, ни от минут восторга! Вообрази – яркий свет словно готов ослепить меня изнутри. Не позволяй мне ни в чем усомниться. Эта девушка таит в себе идеальное начало – я превращу ее в зеркало, которое отразит идеал. Я заполню ее душу бесчисленными извращениями, и она устремится к идеальному как к глотку чистого воздуха.

Мне чужды плотские желания и безразличны альковные удовольствия. Гусенице предстоит стать восхитительной бабочкой – я сию минуту требую крылья! Если же мне суж-

дено отступить, поднимаясь на вершину священной горы Табор, стало быть, моего падения пожелал Бог».

VI. Парк Монсури

ПАРИЖСКИЕ пустыри – любимые места художников, разбойников и героев популярных романов середины века – давно не существуют – на их месте высажены деревья и построены дома. Превратившись в аллеи и улицы, куски этой земли по-прежнему несут проклятие: трава кажется смятой, небо – пасмурным. Выровненная почва хранит следы насилия – в парк более не приходят гуляющие и не заглядывают настоящие горожане. Дух постоянного двора воспротивился османовским улицам и высаженным вдоль деревьям, дома на равнине Монсо не смогли приноровиться к земле, на которой стоят. Скамейки парка Сен-Виктор всегда пусты – невзирая на ухоженные песчаные аллеи, он остается пустырем между набережной Жавель и Севрскими воротами. Ни один парижанин не осмелится отправиться и в парк Монсури – пустошь, имеющую с городом не больше общего, чем Солонь или Кро, Небó выбрал для свидания с Поль. Место было подходящим – едва ли кто-то мог застать их здесь вдвоем. Безобразие же заброшенной земли как нельзя лучше предвещало сошествие на девять кругов порочных нравов декаданса.

Улица Монсури всей длиной от вокзала Со проваливает-

ся между железнодорожными путями и опорной стеной резервуара Ван, укладываясь в огромный параллелограмм, похожий на двор пенитенциарной колонии. Несмотря на два тротуара и земляную насыпь, засаженную адамовыми деревьями, этот тюремный коридор хранит атмосферу пустыря, напоминая унылые городские окраины – чтобы защититься от безмолвной угрозы бедноты, буржуа окружили свои кварталы и жилища белоснежными стенами казарм и широкими выездами. Зажатый между железными рельсами парк знал, что дни его сочтены – мрачный массив разрезали мосты и тоннели, паровозный дым чернил яркую зелень деревьев. Тунисский павильон Бардо, где изучают капризы Борея и Посейдона, кричит назойливо-белым и синим цветами на фоне низкого серого неба. Колесо анемометра, обреченно вращаясь вокруг мачты, нависает над парком – по-прежнему диким, несмотря на причесанные лужайки и садики на каменных горках, своей пустоголовой цивилизованностью ранящие душу сильнее вытоптанного и бугристого дерна, застроенного бараками, в которых когда-то теснились недобрые, но свободные люди с непокорным сердцем.

Одетый в наглухо застегнутый редингот Небб курил, неподвижно стоя у входа в парк. Из ресторана на улице Нансути доносились звуки духового оркестра – рабочий люд играл свадьбу.

Из подъехавшего фиакра вышла Поль. Переговорив с гувернанткой, сидевшей в экипаже, принцесса подала руку по-

дошедшему к ней Небó.

– Ваша гувернантка сопровождает вас всюду, принцесса.

– Решись я на убийство, она была бы на моей стороне. Это не должно беспокоить вас, Вергилий.

Они зашагали бок о бок.

– Милая Алигьера, – заговорил Небó. – Вообразите себе гибкую, быструю пантеру с пятнистой шкурой – хранительницу наслаждений; льва – гордого демона и высокомерного упрямца, воплощающего зло; волчицу, чьи выпирающие кости выдают ненасытность и одержимость тысячами желаний. Представьте себе этих трех чудовищ прежде, чем сбиться с пути – будь вам знаком их лютый нрав, у вас бы перехватило дыхание.

– Я почитаю Данте дома, мсье Небó. Мы встретились не для того, чтобы декламировать поэмы.

– Я обязан, Алигьера, прочесть вам предупреждение, предваряющее вход в амфитеатр Зла, прежде чем вы преступите черту добродетели! Эти чудовища – отнюдь не плод вашего воображения. Они последуют за вами по пятам. Соблазн, вызывавший прежде отвращение, преломляется сквозь зеркало памяти, впоследствии превращаясь в искушение. Толкающая к запретным наукам гордыня препятствует раскаянию, а новые распутные деяния заглушают стыд. Однажды распаленное любопытство не затухает и, все глубже утопая в грязи, никогда не будет удовлетворено. Я поклялся, что ваше путешествие будут безопасными – поз-

вольте мне добавить к ним немного спасительного беспокойства.

Жестом Поль велела ему замолчать.

– Нам не следует заходить далее условий моего письма.

– Что может быть очевиднее письма напечатанного? – Небб достал из кармана страницы «Мадемуазель де Мопен».

– Будьте любезны, помогите мне расставить точки над г. *Узнать людей, изучив их досконально.* Каких именно людей? Художников, ломовиков, спортсменов? Всех, если хотите, но мне непонятно слово *досконально*: нечасто встретишь человека, готового открыть тайны своей души. *Выяснить, о чем они говорят между собой:* разговоры в питейном заведении, на литературном сборище, в клубе, на бирже и скачках расскажут вам о многом. *И чем занимаются поздним вечером, покинув светские гостиные и театральные ложи?* Как поется в песне Мальборо, одни проводят время со своими женами, другие – с чужими или в одиночестве, ужинают, встречаются с проституткой, садятся за партию в баккара или сочиняют стихи. И вновь вам станет многое известно! Ах да! *все тайные и порочные стороны* – вспомним хотя бы пресыщенных завсегдатаев клубов, готовых целовать красные руки Мариторны⁵⁰, или всевозможных Рюампре и маркизов де Трай⁵¹, торгующих любовью женщины. А что говорить о подобных Анри Мопрену⁵², побывавших в спальне матери прежде, чем добраться до дочери? Вульгарнее же всех –

не книжные злодеи, но самодостаточные безумцы. «Я провела целый год, наблюдая и подслушивая» – достаточно было бы купить за сто тысяч франков свежий выпуск «Парижской жизни»⁵³. *В какой манере любовник хвастался своими победами:* господа, которых Теодора принимает у себя на постоялом дворе – наивные глупцы в сравнении с нынешними образованными юнцами. Последние охотно бы похвастались тем, что побывали в постели принцессы Рязань, но устыдились бы роли ее возлюбленного. Вы удивлены? Да будет вам известно, наивная барышня, что в наши дни мужчина находит любовь позорным чувством – если только объектом его страсти не становится актриса или дорогая проститутка. В этом случае все по-иному – за нее пристало бороться и гордиться своей победой. *Узнать человека как можно лучше,* как пишет книга, проще, чем переплыть мелководную бухту у берегов Португалии. Вы увидите лишь животные инстинкты, тщеславие, слабоумие и страдание – философы, равно как и священники, испытывают к человеку не презрение, но жалость. *Встретиться с ним с глазу на глаз* – вы увидите, как живут свободные мужчины всех сословий; *застать его раздетым в спальне* неопасно для ваших чувств. *Следовать за ним, когда он отправится по питейным заведениям и прочим местам* – особенно прочим местам, не правда ли? *Молодой мужчина, который выходит из дому утром и возвращается утром следующего дня:* вы увидите собственными глазами, чем заняты молодые мужчины днем и ночью.

Таков наш план, принцесса. Если он будет выполнен, если вашему взору предстанут все грани отнюдь не волшебного фонаря, вы будете удовлетворены. Потребуется совсем немного времени, чтобы открыть вам всю правду, и тогда вы спросите «И это все?». Ваше разочарование будет огромным, как башня Сен-Жак, и вы пожалеете, что не потратили эти часы, украшая вышивкой домашние туфли идеального возлюбленного.

– Мне во всем свойственна серьезность, и ваш сарказм задевает меня.

– Ирония моих слов вызвана сочувствием к вам, дорогая принцесса: вы приняли всерьез лживую книгу, выдающую альковную страсть за истинное счастье. Но я лучше понимаю Мопен: она стремится вслед за тем, кому желает отдаться.

– Разумеется, я не хочу никому отдаваться.

– Вы хотите видеть! И вы думаете, что видеть можно безнаказанно, что каждая часть вашего тела способна лишиться невинности отдельно одна от другой, что ваши глаза, потеряв целомудрие...

Она прервала его, взяв под руку:

– Сядьте рядом и взгляните на меня. Вы рады меня видеть и в моем обществе чувствуете себя легко. Думая обо мне, вы приходите в волнение. Я вдохновляю вас и наполняю энергией. Для чего же отговаривать меня отправляться в путешествие – не имей я такого намерения, вы лишились бы возможности быть со мной рядом!

– Я думаю не о своем благе, а о вашем, и пересиливаю себя, увлекая вас вниз по течению – столь же неприятным мне было бы участие в оргии с цветком лилии в петлице.

– Но разве не вы сказали, что утрата иллюзий неизбежна на пути к идеалу?

– Меня страшит непредсказуемость ваших чувств, узнай вы правду.

– Прежде убедитесь в незыблемости ваших собственных и дайте обещание.

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Посвящая вас в тайны мужского бесчестия, я ни на мгновение не забуду, что между нами нет вожделения. Вы сможете без опасения прижаться ко мне всем телом, если почувствуете, что вам холодно, и лишиться чувств в моем доме, если вам будет слишком горячо. Даю вам слово!

Принцесса нахмурилась, услышав эту смехотворную клятву. Увидев это, он добавил:

– Обещаю быть вам как брат, на словах и на деле.

– Я же... – начала Поль.

Чтобы сгладить неловкость, возникшую от ее замешательства, она торопливо заговорила:

– Я пришла сюда для того, чтобы не быть далее обманутой – ни измышлениями поэтов, маскирующих порочную страсть, ни речами моралистов, стремящихся ее оклеветать! Поэты говорят устами шекспировского Антония: «Нет более достойного деяния, чем поцелуй». Священники же, словами

Масильона⁵⁴, предупреждают: «Сладострастие таит в себе разочарование – удовольствие тщетно и несет проклятие». Я чувствую, что и те, и другие говорят неправду. Если нет ничего прекраснее поцелуя, для чего его запрещать, если же он столь отвратителен, для чего за него наказывать? Я хочу своими глазами увидеть, как люди разных сословий предаются пороку, считая его добродетелью. Я хочу знать о жизни то, что известно мужчине-наблюдателю, чтобы не спутать альковный светильник со звездой пастуха, а Основу – с Обероном⁵⁵. Когда поклонник, пригласив меня на вальс, говорит: «Я не переставал думать о вас после последнего бала», я хочу знать его мысли. Если мне суждено полюбить, я хочу в точности представлять, чем занят мой избранник днем и ночью. Женщин, гуляющих в Булонском лесу, называют недалекими, но они желанны мужчинам! Я хочу знать, в чем заключается тайна их привлекательности. Я вижу вокруг себя маски заговорщиков – мне это невыносимо; вы, Небб, тоже обманываете меня. Я чувствую: не решишь я увидеть порочную страсть своими глазами, меня побудила бы предвзятость добродетели. Никто не желает говорить мне правду – я узнаю ее сама.

– *Alas, poor curious!*¹⁴ – вздохнул Небб.

– Чем бы ни завершилось это путешествие, я предпочитаю разочарование действительностью абстрактным домыс-

---

¹⁴ Увы, несчастная любопытная! (англ.)

лам. «Андрогин!» – сказали вы – мне вот-вот исполнится девятнадцать девичьих лет, не пришло ли время узнать о желаниях моего второго начала? Ощущения, которые я испытую, переодевшись в мужской костюм, будут иными, нежели те, что я чувствую в платье. Более того, вы – художник! Представьте: живя в Риме, вы довольствуетесь созерцанием копий Сикстинской мадонны, до оригинала же – два шага. Неужели вас остановят дождь или грязь под ногами? Если верить моралистам, моя душа надежно защищена – я избавлюсь от химер порока в одно мгновение. Не вы ли предсказали мой путь, положив ему начало? Теперь я жду, когда вы претворите свой план в жизнь.

– Я пригласил вас к разочарованиям, порождающим отвращение к страсти, уподобив эту метафизическую операцию исторжению плода. Но творить зло во благо – искушать Бога! У вас есть вера, убеждения и правила, разве могу я скрывать от вас, что любопытство – смертный грех. Вам следует отказаться от путешествия.

На мгновение посерьезнев, принцесса внезапно рассердилась:

– Я ненавижу вас за эти слова – я пришла сюда неосознанно...

– Откажитесь от путешествия!

– Откажитесь от наших встреч!

– Я готов никогда более не видеть вас, – Небó вновь зажег погасшую сигарету.

Поль в смятении стучала носком туфли по земле.

– Но ведь вы – пособник порочной страсти, без вас она невозможна, разве нет в этом еще большей вины?

– Упрекая меня сейчас, что же вы станете говорить далее? Я готов сопровождать вас, мадемуазель, но не стану делить с вами угрызения совести.

– Вы говорите, что в нашем путешествии не будет ничего физического.

– Стало быть, вас привлекает осязаемая страсть – страсть диких существ? Физическая любовь – проклятие для андрогинов.

Небó коснулся ладонью лба.

– Никогда не поздно покаяться и получить отпущение грехов, – решила принцесса.

– А если вы погибните во время путешествия?

– Я буду часто исповедоваться...

– Наутро каждой ночи, проведенной вне дома? Едва ли вы на это осмелитесь! Довольно клятв и разговоров о спасении души, пойдемте! Но не станем креститься, искушая Бога.

– Я не могу решиться...

– Не решившись довериться мне и отказавшись от путешествия, вы сохраните себя для Иисуса. Я не только не хочу разуверять вас в правильности вашего выбора, но я убежден, что «Подражание»⁵⁶ по значимости превосходит «Пир», и что чувства Святого Франциска Ассизского более возвышенны, нежели рассуждений моего учителя Платона. От-

правляйтесь в монастырь — лишь там вам откроется истина.

— Вы живете в миру, но мне советуете постричься в монахини? Отчего же вы сами не дадите монашеский обет? Никогда не поверю тому, кто расхваливает достоинства блюда, ни разу его не попробовав.

— Возможно, и меня ждет этот путь. Но хотя мой разум способен постичь благородство служения Богу, в сердце двадцатипятилетнего мужчины еще слишком много человеческого.

— Коснитесь моей руки, преподобный! Как и вы, я осознаю величие веры, но мне нет еще и девятнадцати — я должна узнать земную жизнь прежде, чем откажусь от нее. Подумайте о печальной участи девушки, уносящей в келью искаженную тень этого мира.

— Вы не находите, что в эту минуту мы исповедуемся друг другу?

— Отчего вы потешаетесь надо мной и возводите передо мной стены, которые меня не остановят?

— Заблаговременное искупление вины указывает на предусмотрительность. Волнение, предшествующее проступку, зачастую есть самый очевидный знак раскаяния.

Оба замолчали, не глядя друг на друга.

— Давайте наберемся дерзости и взглянем на порочную страсть вместе, — сказала Поль, поднимаясь со скамьи.

— Для этого нам понадобится ловкость, принцесса. Вам же, коль скоро вы решились отправиться в путешествие, по-

требуется оснащение – парик, мужской костюм, сюртук, пиджак и блуза рабочего⁵⁷. Помимо этого, вам нужны туфли, приличествующие случаю, как говорят немцы. Пришлите мне с Петровной необходимые мерки.

– Это несложно сделать.

– Как вы станете покидать дом ночью?

– Через маленькую дверь, выходящую на улицу Рембрандта. Вечерами, когда моя тетка не принимает гостей, она рано поднимается в свои комнаты. К десяти часам я смогу выйти незамеченной. Но что я должна буду делать, выбравшись из дому?

– Я буду ждать вас на углу улицы Курсель. Затем мы подыдемся ко мне, где вы переоденетесь.

– Но что скажут соседи и другие жильцы дома, увидев, как к вам заходит женщина, но выходит мужчина?

– Я живу один в маленьком доме, и поблизости нет соседей.

– Вы правы! – рассмеялась Поль. – Дурное дело оказывается совсем несложным! Когда же состоится наша первая прогулка?

– Как только вы этого захотите. Но прежде вам следует прийти ко мне днем и примерить мужское платье. Учтите, что ночные прогулки могут быть опасными – необходимо прятаться одновременно от жандармов, злодеев и любопытных.

– Опасными? Вы хотите сказать, что сон может обернуть-

ся кошмаром? Нет, я намерена веселиться! Мне пора идти – Петровна показывает, что время истекло. До встречи, Небó, – Поль сняла перчатку.

Он коснулся губами ее руки.

– До встречи, Поль, – сказал Небó.

Глядя фиакру вслед, он тихо добавил:

– *Alas, poor curious!*

VII. Андрогин

В ДЕНЬ, когда Поль позвонила в дверь Небó, в воздухе звенело веселье. Эта легкость, омрачающая душу в минуты тягостных раздумий, вонзилась в сердце принцессы необъяснимыми опасениями, усилив беспокойство о последствиях грядущего шага. Она была слишком горда, чтобы бояться себя скомпрометировать, и доверяла себе и Небó. Поль Рязань знала – она всего лишь пришла навестить друга. Не осознавая самой опасности, она была встревожена. Ее тяготили будущие угрызения совести – невзирая на их необоснованность и на уверенность в том, что она ни в чем не провинится, что ничто дурное не коснется даже ее пальцев в перчатке. Когда дверь открылась, она отступила, словно призраком целомудрия унылым жестом преградил ей дорогу. Поль остановилась, не осмеливаясь совершить шаг, изменяющий жизнь. Она ощутила испуг, будто очутилась перед переправой через Рубикон или в Бирнамском лесу⁵⁸, бесконечно му-

чительную нерешимость Евы, протягивающей и отдергивающей руку перед плодом, таящим смертельную опасность. Время неодинаково отмеряется для души и для плоти – вечность ее волнения равнялась для вальсирующей пары трем четвертям такта. Порог тайны Поль перешагнула с полузакрытыми глазами, словно ее решение – пропасть, отделившая прошлое от будущего – было неровностью дороги, через которую требовалось переступить.

Благодаря своей восприимчивости женщины, очутившись в новом месте, тотчас чувствуют его природу Принцессе было достаточно одного взгляда на тихие ступени и седого слугу, безмолвно шедшего впереди с непокрытой головой. Удивившись, что Небó не вышел ее встретить, Поль поднялась наверх. Ее изумление было столь сильным, что она прошла вперед, не заметив темной комнаты – внезапно в ней загорелся свет. Слуга, по-прежнему не произносивший ни слова, исчез за портьерой. Поль остановилась на пороге, не зная, как далее держать себя. Небó был погружен в чтение.

Он поспешил встать, взял ее за руки, усадил в кресло, положил под ноги подушку, опустил занавески, чтобы ее не тревожил солнечный свет.

– Я не думала, что вы способны на эти маленькие знаки внимания.

– По отношению к вам они значительны.

– Какой необычайный комплимент!

– Уважать того, кого любишь, значит уважать самого себя.

Ничтожен мужчина, считающий ничтожной свою любовницу. Много достойнее оказалась галантная дама Брантома⁵⁹, которую застали с собственным кучером. В ответ на упрёки в том, как низко она пала, она ответила: «На него пал мой выбор – это делает его мне ровней».

– Стало быть, это делает меня вам ровней?

– Мы не похожи, но равны – вы удостоили меня своей нетронутой красотой, я же устремляю к вам свои мысли.

– Покажите мне ваши работы – я не могу вообразить картин, которые бы соответствовали вашим речам.

– Я не пишу картин. И не могу показать вам рисунки обнаженных фигур – мои поиски формы едва ли будут вам интересны.

Поль настояла на своем, и Небó вышел, чтобы принести рисунки. Оглядевшись вокруг, она увидела на окнах комнаты соположения фрагментов старых витражных стекол: голова девы покоилась на теле дракона святого Георгия, крылья ангела выделялись среди узоров в серых тонах. Два гобелена, сотканые на Мортлейке по картонам Рафаэля⁶⁰, мебель расцвета итальянского ренессанса, ни одной безделушки – кабинет походил на коридор музея или дальний зал средневекового замка.

Небó вернулся с папкой рисунков. Это были фикции обнаженных фигур – их анатомическая точность подчинялась поиску идеального слияния изящества и силы, соединяющего мужское и женское начала. Фрагменты тел, обнаженные

по пояс девы ночи, тонкие и сильные лодыжки моделей Мантеньи, ошеломляющие благородной красотой руки, стройные и гибкие предплечья, упругие округлости были прорисованы с такой навязчивой андрогинной эстетикой, что процесса смутилась. В ответ на удивление Небó она сказала:

– Ваши рисунки словно раздевают меня.

Небó овладела еще большая неловкость – оба на мгновение замолчали. Внезапно Поль нарушила тишину.

– Расскажите мне о своей жизни.

– Моя жизнь не имеет практической ценности. Я ничего не создал, я лишь размышлял.

Он зажег сигарету и замолчал. Поль отодвинула в сторону папку с рисунками, вызывавшими смущение у обоих.

– Прежде, чем я окажусь в амфитеатре Зла, научите меня элементарным понятиям порочной страсти.

– Порочная страсть, Поль, не такова, какой вы себе ее представляете. Вам видится чаша забвения; соль, заживляющая шрамы воспоминаний и стирающая залегающие на сердце складки; спасительный дурман среди мирских мучений, уносящий вас на огненной колеснице скверного Илии; раскаленные угли тоски; напиток забвения; восторг чувственных удовольствий. Нет, Поль, страсть – парадоксальна в замыслах и обманчива в реальности. Подобно большинству людей, вы думаете, что порочная страсть есть вождение. Вождение же стремится к вину, хлебу и наслаждениям тела – стало быть, страсть – не что иное, как неутоленный го-

лод, ограниченный судорожными восторгами плоти и разрешаемый облегчением. Поэты говорят неправду – сверкающих девичьих грудей и лишаящих разума поцелуев не существует. Вначале есть мираж, затем – напряжение, после – отвлечение. Оловянный кубок или хрустальный бокал, изысканные кушанья или бобовая похлебка, кожура или мякоть, убожество или роскошь, улица Крульбарб или улица Прони – суть неизменна, разнятся лишь обстановка и детали. Роскошные ковры или меловая краска, кружевной пеньюар или хлопчатая сорочка, альков с балдахином или настил из соломы – неважно, сколько поставить на карту наслаждения – пять су или пять миллионов. Жизнь молодого мужчины непременно приходит к трем страстям – вину, застолью и разврату.

– Вы хотите заставить меня поверить, что в Париже, где есть все, нет любви? – воскликнула принцесса.

– Отчего же? По аллеям Парижа прогуливаются ангелы. Пьянство, чревоугодие и блуд суть элементарные понятия порочной страсти.

– Вы несправедливы, Небó, но я не понимаю ваших намерений.

– Милая принцесса, неужели вы станете отрицать, что мои описания совпадают с тем, что вам известно о людях вашего круга?

– Да, но они относятся к студентам и простому люду.

– Сколько же золотых песчинок упадет с ваших прекрас-

ных глаз! Ваш костюм готов – вам следует его примерить.

– Нет, – сказала она, охваченная внезапным недоверием.

– Милая принцесса, если вам теперь недостает смелости, появится ли она у вас в Больших Карьерах?

Поль на мгновение задумалась, затем взяла одежду и направилась в спальню Небб. Она не торопилась раздеваться, в задумчивости вспоминая строки из «Мадемуазель де Мопен»: *Сбросив платья и юбки, я перестала быть женщиной.* Но затем она подумала, что сможет беспрепятственно превращаться в мужчину ночью, днем оставаясь женщиной – двойная жизнь показалась Поль заманчивой. Надевая пиджак, она нащупала в кармане письмо и прочла его:

Приветствую тебя, милый брат! Я по-прежнему ищу великого алхимика Идеи. Твой замысел сверхъестественно прекрасен, но остерегайся его воплощения – своего тела. Мы должны осуществить наши мечты. Ты желаешь любви вне чувственности, я стремлюсь к познанию первопричин вне опыта. Сегодня мы – и монахи – герои этого мира.

С верой в тебя,

Меродак

Записка, словно талисман, развеяла сомнения девушки. Она разделась, затем примерила мужское платье, неторопливо изучая в большом напольном зеркале свое новое очарование. Внимательно поправив все детали мужского костю-

ма, принцесса взяла со стула цилиндр и бросила последний взгляд в зеркало: превращение оказалось настолько привлекательным, что она коснулась губами своего отражения. Не произнося ни слова, она подняла портьеру – Небб протягивал ей парик.

– Мсье Фигаро? – спросила она.

Небб вскрикнул и побледнел.

– Как я выгляжу? Что с вами, мсье Небб?

Он не ответил и отстранил ее движением руки.

– Вам нехорошо, мсье Небб?

Тот молчал, дрожащей рукой вытирая лоб, на котором блестели капли холодного пота; неловкость, возникшая из-за папки с рисунками, превратилась в невыразимое смущение. Философ Небб ощутил дрожь Пигмалиона, увидевшего, как с пьедестала спускается его Галатея: перед его глазами была сама цель его жизни. Смятение, которое принцесса приняла за волнение плоти, в действительности было минутным помутнением разума перед осуществлением его мечты – более полным, чем он когда-либо осмеливался мечтать. Овладев собой, он заговорил, но голос его изменился:

– Вашему облику потребуется ретушь – костюм чересчур вам подходит.

– Мое перевоплощение слишком значительно – я пугаю вас!

– Меня пугает ваш новый облик. Я поведу вас в дурное место, где вас станут осаждать женщины!

Поль не поняла его, и эта наивность растрогала Небó.

– Я кажусь вам глупой? – спросила она.

– Всего лишь еще невинной, и я не решаюсь запачкать вашу душу.

– Запачкать?

– Соглядатай оргии уподобляется участнику, Поль – у вас есть еще время пощадить себя. Ваши ступни слишком изящны, чтобы идти вперед – делая шаги, вы испытаете боль! Форма вашего лба слишком совершенна, чтобы размышлять – раздумья принесут вам страдания! Не снимайте белого венца неведения – его легче нести, чем бремя осознания!

– Как же неразумно я поступила, доверившись проповеднику!

– Вы сами этого пожелали, Поль, – сказал Небó.

– Да, – сказала Поль с настойчивостью. – Даже если померкнет блеск моих глаз, я хочу видеть.

Небó поднял хрустальную чашу и протянул Поль:

– Разбейте чашу – символ неведения!

Принцесса бросила чашу в стену, и та разбилась – разлетевшись, осколки почти коснулись их тел.

– *Virginitas jacta est!*¹⁵ – торжественно произнес Небó.

КОНЕЦ ПРОЛОГА

---

¹⁵ Целомудрие разбито вдребезги! (лат.)

Прогулки по порочному Парижу

I. Дорога из трактира в кабаре

– Для чего я привел вас в трактир? Для того, чтобы познакомиться с современными нравами. Нравами принято называть занятия, которым люди предаются, выйдя из дому. Трактир – первая остановка каждого француза, первое самостоятельное приключение школьника на каникулах, целая жизнь для провинциала и парижанина.

Обнаружив, что вино в трактире слаще домашнего, первый горожанин сказал, подобно халдею «Я построю дом, где уединюсь от прислуги и домочадцев». В трактире обедали путешественники и веселились вместе люди одного ремесла... На вашем лице – выражение Анжелы Дони, супруги Вандинелли⁶¹... Послушайте меня, Поль⁶²! Ваши родители отправили вас сдавать на бакалавра в Париж, желая похвастаться перед соседями, что сын держал экзамен в столице, и в награду за белые шары⁶³ кузен Небб отведет вас в трактир «Черный шар»... По-прежнему гримаса красавицы Дони! Неужели она была срисована с ваших губ? Быть ангелом в наши дни сложнее, чем во времена Бомарше.

Non piu andrai, farfaglionе amorose

Notte et giorno d'intorno girande;
Delle belle, turbando il rispose,
Narcisseto, adoucino d'amore!¹⁶

Разве эти чудесные стихи не лучше нюхательной соли! Povermo⁶⁴! Не имея мачехи, для какого синего чулка вы споете? Сюзанна, за которой вы броситесь вслед, окажется распутной женщиной, юная Фаншетта⁶⁵ – проституткой. В былые времена жилось много лучше, но Сганарель⁶⁶, лекарь нравов поневоле, все испортил! Теперь недостаточно обвиться вокруг дерева, и для поцелуя желанны живые, мягкие губы. Стало быть, кузен Небб поведет вас как к порядочным, так и к скверным людям. Непокколебимый перед соблазнами Дежене⁶⁷, он не станет изображать ни знатока, ни Лусто⁶⁸, несмотря на близость Люксембургского сада. Более того, тоскуя о прекрасном – единственном сожалении шекспировских героев, он ни на что не решится. Хорошо ли это? А не все ли равно? Главный вопрос в том, красиво ли это... Однажды я гулял в саду в компании молодой девушки, которая желала отдаться мне, но я не осмелился – передо мной был великолепный цветок лилии.

– Вы обманули меня, Небб. Стоило ли требовать от меня так неосторожно покидать дом, чтобы заставить умирать со

---

¹⁶ Не приходит более красавец влюбленный, днем и ночью не ходит кругом; покой красавицы тревожит нарцисс, ведомый любовью (*итал.*).

скуки?

– Возвращайтесь же в свою спальню, в особняк княгини, и обрывайте лепестки с маргариток жены садовника, думая о прекрасном Галаоре⁶⁹, который умчит вас, словно Ленору⁷⁰, в голубые дали. Займитесь смешением акварельных красок, флиртуйте с вельможами, носите модные платья – «Эко де Пари»⁷¹ напишет о новом крое ваших нарядов. Отряхните, светская Психея, частички блеска ваших крыльев на латы дуэлянтов! Затем пойдите замуж и посвятите жизнь младенцу, как предписывают легитимисты, или – в услужение к грубияну-радже, сойдитесь с брахманами, станьте поводом к священной войне – вы увидите, как бездыханные тела красных казаков с дырой в груди качаются на водах Ганга! Или – примите предложение первого же мужчины и займите место пса на диване его рабочего кабинета! Я могу понять страсть к впечатлениям, платьям, благам и приключениям, но поиск в современной жизни смысла насмешит даже стены и мостовые.

– Вы непереносимо красноречивы, Небб. Я не прошу невозможного, но хочу лишь познать неизвестное. Мне неизвестно ничего – вам будет несложно выполнить мою просьбу.

– Да станет вам известно, что именно благодаря трактиру появились три символа нашего времени – сообщество, клуб и всеобщее прямое голосование. Сообщество занимает в жизни де Марсе⁷² то же место, что трактир – в жизни Го-

диссара⁷³. Возможно, вы не знаете о том, что этот увалень, читающий «Съекль»⁷⁴, играет в судьбе Франции не меньшую роль, чем д'Оревиллы. Где, как не здесь, зарождаются убеждения избирателя? В иные дни трактир превращается в клуб, становясь трамплином для будущих адвокатов. Некий диктатор выступал вначале перед завсегдатаями некоего трактира, а хмельные оргии суть помазание для молодых революционеров. Вижу, вы зеваете... Даже Леонардо снисходил до карикатур – их можно увидеть и сегодня, более того, лишь гротеск способен передать безмятежность. Вы ходите на уроки пешком и должны были заметить, что в Париже прохожие всегда чем-то озабочены, даже праздный гуляка имеет обеспокоенный вид. Научитесь же видеть то, что вас окружает... В трактире вы увидите шесть десятков простых смертных, восторгающихся отличной едой. Сорочки всех этих счастливых останутся накрахмаленными до конца их дней – мелкие рантье, стареющие клерки, прилежные приказчики живут на банковские проценты или взятки и не испытывают угрызений совести. Но человек наделен чувствами и не может довольствоваться радостями моллюска – он жаждет острых ощущений. Императоры и полководцы разыгрывают захватывающие партии в шахматы, переставляя миллионы человеческих фигур по доске величиной с земной шар. Буржуа играют поодаль, в пять ходов с реваншем, и надежда, что платить будет противник, вызывает у них в теле дрожь Наполеона накануне битвы при Аустерлице.

Люди из низшего сословия, подобные животным и пытающиеся приблизиться к идеалу, вызывают восхищение! Будучи толстокожими и тем самым надежно защищенными, эти пауки, пронзающие нашу жизнь и ужасающие наш разум, с удивительным чутьем придерживаются древнего принципа, предписывающего точно определять свои потребности. Звенья административной цепи или винтики промышленной машины от зари до захода солнца, они приходят в трактир в восемь вечера и становятся самими собой. Здесь они найдут вино по деньгам, противника по росту и чтение по уму. Эти карикатурные герои эпичны в своей убежденности – они уверены, что представляют собой гордость и лучшую часть цивилизованного мира. Перед принципом всеобщего равенства они абсолютно правы – сегодня Великих Буржуа и Злодеев-Солнце⁷⁵ можно встретить всюду... Взгляните на эту восхитительную лакированную трубку и на физиономию, от нее прикуривающую, на этот расстегнутый жилет на груди – какое довольство жизнью! Взгляните на мужчину, который улыбается патере⁷⁶, опершись обеими руками о выпуск «Дебатов»⁷⁷ – с таким видом едва ли возможно иметь озадаченный разум или обремененную совесть! За бильярдным столом двое обсуждают поправку к закону – разве не заняты их мысли чужим кошельком? Не находите ли вы любопытным сборище шести дюжин представителей цивилизованного мира, не мучимых ни мыслью о самоубийстве,

ни желанием сделать мир лучше, принимающих жизнь с ее уродствами и бездушными людьми?

– Меня не привлекают поверхностные люди, – ответила Поль.

– Они поверхностны оттого, что лишены воображения... Взгляните на молодых людей, сидящих напротив: светловолосому – семнадцать, темноволосому – девятнадцать. Последний хорош собой и стоит большего, чем те, с кем вы танцуете на балах, он одет почти как они и, похоже, имеет необычный опыт. В его возрасте еще рвутся в бой и читают Дюма; представьте, что какая-нибудь мадам Ютен...⁷⁸

– Надо думать, вы шутите!

– Нисколько. Этот молодой клерк много достойнее ваших виконтов – он еще не утратил порядочности. Все собравшиеся здесь буржуа, Поль – и господин с красивой трубкой, и поклонник патеры, и два любителя политики – были молоды и выглядели так же. Они прожили жизнь, потакая инстинктам, но остались верными трактиру – своей единственной любви.

А теперь снова обратите внимание на эфебов из «Бон Марше», только что игравших в карты: оба – вновь с газетой в руках, и вновь – политика! Светловолосый – на третьей странице, читает о происшествиях; темноволосый начинает с редакторской статьи... несчастный! Светловолосый сообщает приятелю биржевые котировки – это уже лучше. Что вы думаете об этих детях конца века? Вы наверняка не помните, Алигьера, разношерстной толпы, жившей в смутном волне-

нии, не знавшей ни похвал, ни проклятий. Несчастные буржуа, им неведомо даже проклятие!

Небо́ поднялся.

– Наконец-то! – воскликнула Поль. – Куда же мы отправимся теперь? – спросила она, вдыхая прохладный ночной воздух.

– В замок света, – ответил Небо́, устраиваясь рядом в фиакре.

– До чего же меня угнетают ваши непрекращающиеся цитаты из книг. Не затруднит ли вас изъясняться более современным языком?

– Я много общался с эрудитами и скверно владею жаргонами. Современная же речь есть сплав профессиональных жаргонов: «ужас» на светском жаргоне означает скверно выполненную стрижку, «пристойный» значит «потерявший честь» на языке политиков; герцогиня сплетничает, а школьник не умолкает; определение «коронованный» одинаково применяется к королям и к лошадям; эпитет «странный» употребляется в отношении как любезного, так и порочного человека. Сегодня ваши нервы чересчур напряжены, чтобы изучать синонимы – под замком света я понимаю интеллектуальное кабаре, где не играют в карты и не читают газет, где напротив стойки бара расположилась фисгармония, стены расписаны фресками и за столиками сидят поэты.

– Такое место на самом деле существует? Вы познакомите

меня с поэтами, собравшимися вместе за столиком кафе?

– Они покинули башню из слоновой кости, чтобы вести провокационные речи, как и подобает образованным злодеям. Если страсть к вину не поглотила поэта целиком, он окажется скверным молодым мужчиной. Он увлечен вином, публичными женщинами и боится слезки.

– Я представляла себе поэта высшим существом, неспособным опуститься до вульгарных занятий.

– Иными словами – избранным, обладающим большей чувствительностью, нежели простой смертный, и способным передать свои ощущения в произведении искусства. Если обычный человек говорит «Мне невыносимо скучно», поэт восклицает «Мою душу терзает печаль».

O constellations, vous voyez que je souffre,
Flambeaux de l'éther ayez pitié de moi!¹⁷

Не думайте, тем не менее, что поэт обладает поэтической душой. Таковую обладал лишь Ламартин. Ступни тех, кто сегодня играет на лире, вылеплены из твердой глины. Среди трех сотен сочинителей, убежденных в своих талантах и известных на весь Париж, не найдется ни единой поэтической души! Ни одно время не знало так много картин и речей и так мало настоящих художников и истинного красноречия. Чаяния эпохи обернулись против нее самой: на Капитолий-

---

¹⁷ Звезды, свидетели моих страданий, пламя эфира, сжальтесь надо мной! (*фр.*)

ский холм поднялся каждый желающий. На следующий день, заполнившись целой толпой, Капитолийский холм, превратился в публичное место. Теперешние стихи грубо сколочены, арабески и арии – лишены содержания.

– Поэт представляется мне серафимом в двадцать лет и патриархом в шестьдесят.

– С серафимами я вас познакомлю. Патриархом же был Гюго – апостол простолюдинов, Беранже⁷⁹ и кондитеров.

Фиакр выехал на бульвар.

– В «Трактир бродяг»! – сказал Небó кучеру.

Вскоре Поль заметила жестяную вывеску в форме виселицы.

– Наконец, жестокий Вергилий, наше путешествие становится интересным. По дороге, в окнах таверн, я заметила умные лица и отдала бы год своей жизни, чтобы попасть внутрь и услышать, о чем они говорят.

– Отдав год, чтобы подслушать разговор двух мужчин, еще один – чтобы побывать в кабаре, вы отдадите два, чтобы бежать без оглядки. Поставив жизнь против шагреновой кожи, вы рискуете умереть юной.

Густые клубы дыма, плотно окутывавшие газовые горелки, покачнулись от потока воздуха, устремившегося в открытую дверь: они напоминали туманы над Роной. Вначале Поль увидела лишь фигуры с нечеткими контурами – запотевшие стекла зеркал ничего не отражали. Приглушенный гул был непонятен и непривычен ее слуху – куплеты песен, выкри-

ки имен, колебания напевов, подхваченный органными аккордами смех, громкий хохот посреди глухого рокота полутонов.

Она шла между рядами столиков вслед за Небó, касаясь спин и колен едва ощутимыми движениями, судорогой отдававшимися в ее теле. Почувствовав головокружение и дурноту, она без сил опустилась на ступеньку стремянки, подставленной Небó. Терпкий воздух и приторный запах крепких напитков затуманивали ее рассудок.

– Я бы отдала все, что угодно, за веер, – вздохнула она.

– Этот аксессуар не допускается в путешествиях.

– Две кружки вина, мсье, не так ли? – громко выкрикнул хозяина трактира. Это был художник, однажды испугавшийся нищеты и теперь подсчитывающий, под видом радушно-го хозяина, сколько раз ему еще придется величать «Его Высочеством» художника-любителя с Монмартра прежде, чем отправиться в деревню ухаживать за садом.

Разговоры становились все тише, и до Поль донесся насмешливый отрывистый голос, допевавший песню:

... J'ai trouvé votre père

Couche avec une autre mere.

Y fait bien – dirent les enfants

De coucher avec la femme qu'il aime.

Et quand nous serons grands

Nous ferons tous de même.¹⁸

---

¹⁸ Я видел твоего отца в постели с чьей-то матерью. Правильно, сказали дети,

Придя в себя и немного привыкнув к обстановке, Поль осмотрелась. Стены украшали фрески, прославлявшие изумства средневековья. На них были изображены схоласт, сжигающий статую Аристотеля; колдунья, перерезающая веревки повешенных; обитательницы замков в длинных конусовидных головных уборах, аплодирующие участникам немислимых турниров; пиршества на манер полотен Хальса⁸⁰; Рабле, возникающий из «божественной бутылки»; покровитель бродяг Вийон в сопровождении кортежа оружейниц и колбасниц. На потолке – коллекция набитых соломой чучел сов и котов; в самом центре, на месте люстры – голова крокодила. По одну сторону стойки расположился ящик с мумией, по другую – гроб из сосновых досок. Ножи чередовались с сухими ветками и курительными трубками.

Эта эклектика вызвала у принцессы улыбку.

– Не снимайте шляпы, – сказал ей Небó. – Ваш парик в беспорядке, а здесь есть глаза художников.

– Прошу тишины, господа! Смена декораций! – объявил хозяин трактира. – «Трактир бродяг» превратится в Сикстинскую капеллу, и зазвучит «Магнификат» Палестрины⁸¹.

Зазвучал священный гимн, наполняя душный трактир великолепием литургии и напоминая о величии веры в рациональный век.

Чистый и сильный голос певца, обладателя высшей награ-

быть любимой женщиной. Когда мы станем взрослыми, мы будем делать так же (фр.).

ды в Риме, вызывал в памяти протяжные псалмы и величественные грегорианские песнопения. При первых аккордах Поль закрыла глаза и, несмотря на продолжавшие вокруг разговоры, на мгновение словно перенеслась в храм во время молебна. Но выкрик трактирщика «Четыре кружки вина, господа?» вернул ее к действительности, внезапно явив всю гнусность окружавших ее людей. Разумеется, она немало читала и слышала о безумцах, называющих себя врагами божьими, и о том, что самые бесчестные из них не признают Создателя. Атеизм представлялся ей поэтическим гневом Манфреда⁸² и богохульством мильтоновского Сатаны⁸³; она не удивилась бы, хотя и испытала бы отвращение, услышав брань Ришпена⁸⁴, коварные речи Ренана или несерьезность Вольтера. Но безразличие образованных людей перед мелодичным звучанием молитвы, ноты которой лились подобно четкам, рассыпающимся в ладонях верующей, поразило ее. «Что же может значить любовь к женщине для мужчин, не слышащих Господа?», – подумала она.

Небó курил, догадываясь о чувствах Поль, но не произносил ни слова. Изучая окружавшие ее лица, принцесса с удивлением отмечала в глазах мужчин ум, не сочетавшийся с их непристойными позами. Безошибочно отражая характер, их поведение указывало на отсутствие воли и принципов – сплав, уничтожавший аристократизм и лишавший будущего целую эпоху.

Неискушенный человек, будь то дикарь или варвар, крас-

нокожий или гунн, поступками не опровергает своих чувств: гармония рассудка и действий стремится в нем к совершенству. Декадент же, напротив, восприимчив ко всяким изломам – его разум зыбок, как и его жизнь.

Даже полное преступных рук и повинных голов общество остается жизнеспособным. Но когда среди нравов появляется скептицизм, начинается эпоха вымирания и торжества евнухов.

Поль не задумывалась о причинах вульгарного поведения этой своеобразной элиты – она не знала, что оскотененный не имеет почвы под ногами и что представшие ее взору скептики были либо беспомощны и нездоровы, как говорили в Голубой гостиной, либо неполноценны от рождения, либо осознанно искоренили в себе стремление к идеалу.

Кабаре – идеальное место для простодушных голландцев, чванливых солдат и головорезов. Талейран выглядел бы здесь нелепо. Несмотря на пристойный вид и безупречно повязанные галстуки молодых мужчин, некое очарование, приписываемое им воображением Поль, таяло с каждой минутой. Доносившиеся до нее обрывки их речей лишь добавляли к складывавшемуся впечатлению – эти люди были поверхностны. Она слышала грубые шутки и солдатские непристойности, лишенные как остроумия, так красноречия. Они говорили о ближайших выставках, ценах, тиражах, перестановках в редакциях, рекламных трюках, давали друг другу дельные советы рисовальщиков и копировальщиков. Но бо-

лее всего поражали неприкрытая ложь, вопиющая клевета, безудержное злословие, болезненное хвастовство.

Чуть более пристальное внимание к этому отвратительно-му зрелищу превращало его в глупое ребячество; оскорбления заходили так далеко, что никто не верил тому, что слышал. Каждый знал: завистник не станет утруждать себя подлостью, хвалящегося же без умолка гордеца не следует принимать всерьез. Разговоры на подобных сборищах являют собой неряшливо выполненную копию официальных речей на лекции Агессо⁸⁵ – здесь никому нет дела до истины среди скверных слов и низких поступков. Политики – болтуны вроде Анри Мопрена, и самозванцы, подобные Тартюфу. Писатели же беспринципны, как Лусто.

Им подобны гримасы судей, надевающих на время заседания маску радетелей за благо общества. Их противники – пародия на Симпозиум – оглашают непристойности и гордятся пороками, которыми не обладают. Кабаре – ничейная земля: о чем бы вы здесь ни говорили, вы не рискуете опозориться. Помимо литературной богемы, превосходящей пишущую для журналов молодежь, в кабаре приходит самая разная публика – встретившись на улице, эти люди не узнают друг друга. В кабаре окажется миллионер, не довольный Искупителем и ждущий пришествия Илии и Еноха. Лицемер надевает куртку якобинца, чтобы походить на Робеспьера. В кабаре приходят художник, усматривающий провокацию в дыму своей трубки, и писатель на полпути к славе и в надеж-

де заполнить читателей, наполняя их бокалы. Обычные горожане с любопытством наблюдают Кабриона⁸⁶ в своей стихии. В кабаре не допускается приходить лишь женщинам. Изредка какая-нибудь парижанка сопровождает сюда художника, написавшего ее портрет, или два или три завсегдатая приходят с любовницами, надевшими синие чулки⁸⁷.

– Случай благоволит к вам, – сказал Небó, увидев на пороге четверых мужчин, чье появление вызвало восторженные возгласы. – Свободен лишь один столик – тот, что перед нами. Вы сможете услышать разговор избранных – или тех, кого таковыми считают. Светловолосый еврей – это Таллагран, сегодняшний Проперций⁸⁸. Высокий и худой – сентиментальный садист Сен-Мейн. Изысканная манера держаться принадлежит непревзойденному мыслителю Линею. Невысокий мужчина, который зашел последним – Малосен, реалист и хулигатель прошлого.

– Ты немного опоздал, Малосен, – закричали из зала. – Приди чуть раньше, услышал бы Палестрину!

Малосен усмехнулся.

– Палестрина, Данте, Микеланджело суть три недоразумения эпохи Ренессанса! Гомер, Вергилий и Аристотель – три недоразумения античности! Но Палестрину никто не слышал! Среди выпускников Эколь Нормаль лишь итальянцы по происхождению говорят, что понимают Данте! Микеланджело – заурядный купальщик! Я говорю вполне серьезно.

«Святое Семейство» в Уффици – школа плавания, Сикстинская капелла – творение борца, «искусство ради тела». Ум заменяют мускулы, искусства – полураздетые фигуры.

– Идиот! – бросил художник Эрлон.

– Ты наивен, – возразил Малосен. – Ты по-прежнему молишься на школьных идолов. Благословенная душа! Ты веришь в идеи Паскаля – жалкие заметки на полях – и безумные речи Боссюэ⁸⁹ – компиляцию Библии и Тертуллиана! Ты веришь глупостям Горация, Маро и Менандра⁹⁰? Признайся, что веришь Менандру и Мольеру! Мольер был самой продажной душой своего времени. Мольер отвратителен!

Вначале приняв мужчин за сумасшедших, принцесса была возмущена. Она осаждала бы Малосена, но Небб остановил ее взглядом.

– Нелепое пристрастие к пошлости! – воскликнул Талагран. – Ни сегодняшний, ни завтрашний Ретиф де ла Бретон⁹¹ не сочинит ни строчки, сравнимой с одами Ламартина или Байрона.

– Сентиментальный Ламартин и высокомерный Байрон бездарны.

При этих словах Сен-Мейн поднялся со своего места и обратился к присутствующим:

– Что ты скажешь о Фоме Аквинском, католический писатель?

– «Сумма теологии»⁹² – пуста и бессмысленна, – ответил

писатель.

– Каково твое мнение живописца о художниках Ренессанса?

– Авторами фресок были церковные сторожа, светскими живописцами – бездельники. Итальянцы никогда не умели писать полотна. Кроме Веласкеса и Рембрандта в Италии не было художников.

– Вы чересчур критичны, – посмеялся Сен-Мейн.

Затем он спросил Малосена:

– Кого же ты готов пощадить?

– Бодлера⁹³ – среди поэтов, Флобера⁹⁴ – среди писателей. Линею пожал плечами.

– Ты безмолвствуешь, словно сама совесть, Линею.

– Ты желаешь услышать мое мнение? Вы источаете дурной запах, словно псы. Малосен хулит Микеланджело, не видев Италии. Католический писатель не знает латыни. Выступавший перед нами художник умрет, не написав вожаденной бездарности. Не перебивайте меня... Будучи, как и вы, приверженцем Золя, я убежден: мы – незваные гости в искусстве. Наш ум, словно скверный желудок, не в состоянии удержать ни единой доктрины и неспособен к многолетним размышлениям, отличавшим философов. Золя, провозгласивший закат метафизики, стал нашим спасением, освободив от прошлого, науки и идеалов! Вслед за ним и под его влиянием сегодня художнику достаточно выйти за порог и описать происходящее вокруг⁹⁵!

– Ты пьешь уже пятую кружку!

– Идиот! – воскликнул Линея. – Ты думаешь, я был бы столь откровенен, пей я первую? Перед нами – дилемма. Либо Бог, душа и тому подобные вещи существуют (следовательно, не существует нас, коль скоро наше искусство зиждется на отрицании этих сущностей), либо небеса пусты, и мы – всего лишь привратники храма. Придумать католическую веру все же не столь просто и более достойно уважения, нежели ее высмеивать. Уверяю тебя, Малосен: монах, совершающий в эту минуту Таинство Святого Причастия – не меньший художник, чем мы. Мне думается, что лучше созерцать пустую скинию, нежели свой пуп!

– Я хорошо знаю Линея. Когда не ладятся отношения с женщинами, он рассуждает о высших материях.

– Не смей касаться моих пороков, я требую к ним уважения!

– Пороки достойны поклонения – все, кроме любви.

– Определение любви! – ответил Малосен и нарисовал на поверхности стола лингам.

– Болван! – воскликнул Талагран. – Ты полагаешь, наслаждение трапезой – то же, что несварение желудка? Будь любовь сопоставима с яством, всякая женщина была бы хороша. В действительности же любовь порождает особенная женщина, сама того не зная. Ее черты уникальны. Поразмысли и ты поймешь, что все женщины, которые тебя влекли, имели между собой нечто общее. Эти несколько черт –

неповторимые для каждого – суть любовь. Я, например, желаю женщин, которых вожделяют другие. Я могу не заметить восхитительной Клеопатры, но не устою перед уличной певицей, разжигающей страсть праздношатающихся – в любви я принадлежу толпе.

– Если применить эту теорию ко мне, окажется, что все женщины, которых я любил, имели в своем теле, сердце, манере держаться и говорить нечто от совсем юной девушки.

– Что ты думаешь, Лией?

– Я думаю, что правда оказывается там, где над ней смеются. Романтическая любовь наивна. Я помню прогулку при лунном свете со своей кузиной – мне было шестнадцать, и с тех пор я никогда более не был столь счастлив... Но мои чувства расходятся с моими поступками. Я не нуждаюсь в ваших насмешках, чтобы это осознать. Хотите знать, отчего я связался с падшей женщиной? Чтобы заслужить любовь искреннего сердца, нужно соответствовать его идеалу... Будучи же неисправимо невоздержанным, я оказался неспособен с надлежащей деликатностью запускать руку в бонбоньерку платонической любви!

– Мой бедный Лией. Твоя беда в том, что, едва выпив, ты начинаешь воображать, что у тебя есть сердце. Женщина отвечает вожделению как яства – голоду, остальное – выдумки писателей! Видишь ли, прожить жизнь можно двумя способами – в радости от удовлетворения своих потребностей или в мечтах и поисках смысла в воображаемом мире. Перед на-

ми – еще одна дилемма. Если на небесах – небытие, на земле – жизнь. Если же на небесах – жизнь, на земле – небытие. Необходимо выбирать, иначе мы рискуем оказаться в глупом положении воздушного шара на веревке.

– Женщина есть наша кара! – изрек Линей.

– Крепитесь, – подытожил Малосен. – Золя возвестил о смерти души, Ришпен – о смерти Бога. Однажды кто-нибудь объявит и о смерти любви. И мы, вслед за Лютером, станем прославлять женщин, музыку и вино!»

– Женщины вызывают дурман в сердце, вино – дурман в голове! Остается музыка!

При этих словах Линей стал мрачен.

Посетители стали расходиться. На принцессу бросали взгляды, угадывавшие переодетую женщину.

– Уйдем отсюда, – попросила она. – Я чувствую ужасные взгляды.

– Эти молодые люди принадлежат к элите общества, – сообщил Небб, открывая перед ней дверцу фиакра.

– Эти молодые люди? Принадлежат к элите общества?

– В некотором смысле. Талагран – талантливый стихотворец. Сен-Мейн – автор великолепно написанной поэмы о насилии. «Странные ремесла» Линей превосходят сочинения Прива д’Англемона⁹⁶. Малосен – мастер живых описаний.

– Думаю, я услышала достаточно, чтобы не читать этих книг.

– Стало быть, вы не пожелали бы внимания ни одного из

этих мужчин?

– Вы шутите? Эти грубияны глупее женщин. Достойный мужчина обладает широтой понимания и объективностью суждения. Ваши поступки, Небó, венчает цель, решения же определяют стремления. Они же говорят о том, что им нравится или не нравится, восторгаются либо хулят!

– Ночь теплая – я мог бы отпустить фиакр, и мы вернемся обратно пешком.

– Отчего нет? Я хочу коснуться ступнями ночного бульвара.

Пробило два, они остановились напротив Коллежа Шап-таль.

– Забавно оказаться в городе ночью в компании молодого мужчины. Мои слова, должно быть, кажутся вам наивными.

– Как сказал Талагран, любовь порождает особенная женщина.

– Это были единственные умные слова, которые он произнес – остальные речи непостижимы уму. Признаюсь, меня радует, что вы не знакомы ни с одним из этих людей – меня бы это обидело.

– Что вы думаете о Линее?

– Он не столь неприятен, сколь остальные. Но когда мужчина сознается в невозддержанности в любви, неудивительно, что его желает лишь падшая женщина.

– Вам следует наведаться к нему и ближе узнать его чистую душу

– Нет. Я испытала бы боль, поступи он дурно, и хотела бы, чтобы он знал, что такое бесчестье. Не будь вы знатоком извращений, меня не было бы сейчас рядом с вами, но сколь сильно бы я желала быть единственной женщиной, с которой вы выходите из дому в поздний час! Не льстите себе: я эгоистична в дружеских связях и в конце путешествия хотела бы от вас осведомленности и целомудрия – того же, чего и вы от меня.

– Я был бы рад ответить вашим ожиданиям, Поль. Но мы с вами должны дополнять друг друга.

Они спустились вниз по бульвару Малерб.

– Вы гордитесь справедливостью своих слов! Похоже, вы дорожите моей невинностью не менее, чем я сама.

– Намного более, Поль!

– Сколько страсти в вашем голосе! Похоже, наше путешествие все же таит в себе опасности. До сих пор вы были терпимы, теперь же становитесь невыносимы! Не думайте, по меньшей мере, что я говорю серьезно... Что если после наших приключений я вернусь домой печальной и разочарованной – ведь неизвестность питает фантазии, а однажды я увижу все, и все окажется уродливым.

– Не более того, уверяю вас.

– Когда же состоится мое следующее разочарование?

Они поравнялись с последним домом по улице Рембрандта.

– Как только пожелаете – вам стоит лишь позвать меня.

– До свидания, Небó. Здесь я вновь становлюсь принцессой.

II. Латинский квартал

– ВЫ ЧИТАЛИ «Сцены из жизни богемы» Мюрже⁹⁷? – спросил Небó у принцессы. Фиакр проезжал площадь Карузель.

– Мужчиной, чье счастье составляют трактир и гризетка, способна увлечься лишь провинциалка. Мне по душе – странствующая богема! Утомленный художник, пешком исходивший всю Италию и не раз подвергавшийся опасности! Темной ночью он приходит в незнакомый город, на рассвете – в живописную деревню! Элегантная богема Бодлера в особняке Пимодан, с целой библиотекой книг и в кружевных сорочках! Но смешные невежды, заворачивающие свой завтрак в бумагу, лентяи, готовые унизиться ради серебряной монеты, походят на персонажей Поля де Кока⁹⁸, невзирая на их безудержную молодость. Не скажете ли вы наконец, куда мы направляемся?

– Внезапно очутившись во власти романтического настроения, где бы вы стали искать любовника?

– Куда бы вы сами направились с подобным намерением?

– Вы отправились бы туда, где вас ждут молодые люди с бурлящей кровью и роскошной шевелюрой – их разум развит наукой, сердца же полнятся надеждами. Вы пошли бы

туда, куда направляемся мы сейчас – в Латинский квартал⁹⁹.

– Вы правы! – воскликнула принцесса. – Среди студентов наверняка можно встретить молодых людей привлекательных телом и разумом одновременно. Оставляя без внимания вашу дерзость, я бы желала стать мечтой того, кто грезит о Беатриче, облокотившись о подоконник и читая Мюссе¹⁰⁰.

– Вы забываете, что молодые люди – в надежных руках.

– Гризетки вроде мадемуазель Мими¹⁰¹ не годятся мне в соперницы!

– Мадемуазель Мими остались в прошлом – их место заняли проститутки.

– Вы хотите сказать, что и студентам чужда романтика?

– Сыновьям Прюдома¹⁰² чужда романтика? Вы несправедливы, принцесса! Им чужда всего только смелость – они страшатся не Бога, но мужей, скверного вина и продолжительных связей, что заставляет их избегать как замужних, так и свободных женщин. Вместе с тем, эти предусмотрительные Улиссы – слишком мечтательны, чтобы удовлетвориться походами в публичные дома. Оставив ухаживания членам Института, а механическое совокупление – солдатам, они изобрели нечто интересное!

Экипаж остановился на улице Кюжа.

– Вы хотите сказать, что мы приехали? – спросила Поль, выпрыгивая на мостовую.

– Перед вами – питейное заведение, где знакомятся с жен-

щинами! – ответил Небб, указав на матовые стекла, не позволявшие видеть происходящего внутри.

Дурное место, представшее их взгляду, постепенно становилось узнаваемым. Столь же публичное, сколь дом терпимости, и столь же пристойное, сколь клуб по интересам, незатейливое питейное заведение позволяет молодым девушкам назначать высокую цену за свое внимание, принимать облик светских дам и изображать неподдельную страсть, продавая себя после долгих и искусных споров о цене. Более того, юноши, заскучавшие в своем кругу и им пренебрегшие, неизменно встречают здесь дежурную улыбку в ответ на низость и вульгарность, вместе с честью теряя привычку достойно держаться и превращаясь, спустя короткое время, в злодея во фраке.

Небб и Поль расположились за столиком в глубине зала. Девушка, в момент их появления лежавшая на трех стульях, встала, подошла к ним и, выдыхая дым сигареты, спросила:

– Что ты будешь пить?

– Вы знакомы с этой девушкой? – спросила Поль, внезапно нахмурившись.

– Когда они желают оказать посетителю честь, они обращаются к нему на «ты», не правда ли?

– Меня зовут Феми.

– Отлично, Феми, принеси нам две кружки вина.

– И бокал изысканного кассиса¹⁰³ для меня! Твой приятель необычайно хорош – он похож на девушку!

– Это обращение на «ты» меня раздражает! – воскликнула Поль.

– Ты столь красив, что я стану говорить тебе «вы»! Ждите меня здесь.

– До чего омерзительно терпеть фамильярность! – не сдержалась Поль.

– Я испытываю те же чувства, что и вы – в свое время это заставило меня отказаться от ночных походов по дурным местам Парижа. Здесь мы, по меньшей мере, в безопасности – к нам всего лишь обращаются на «ты». В Шато-Руж или в Больших Карьерах¹⁰⁴ вас вынудят пить с убийцами, обедать с ворами и принимать поцелуи продажных женщин, иначе вы рискуете расстаться с жизнью.

– О! – воскликнула Поль, вздрогнув всем телом. – Возьмите с собой оружие – оно понадобится мне. Я не терплю прикосновений преступных рук, даже если на карту поставлена моя жизнь!

– Прошу вас! – поставив кружки на стол, Феми села рядом.

– Феми, мы с другом хотим побеседовать. Вернитесь на время на свои три стула.

Изумленная девушка широко открыла глаза.

– Что за вздор! Разве в питейное заведение приходят для того, чтобы беседовать друг с другом? Вы обязаны пригласить девушку – это столь же необходимо, сколь заказать вина. Я останусь здесь – это один из моих столиков!

– Что ж, Феми, оставайтесь!

– Вы не можете устоять перед этой девушкой! – воскликнула Поль.

– Этой девушкой! – рассердилась Феми, но замолчала, увидев взгляд принцессы.

– Вы должны быть любезны, – начала Феми. – Это необходимо для того...

– Взгляд, обращенный на моего спутника, вынуждает меня простить вам вашу деспотичность, Феми.

– Отчего же вы хотите, чтобы я ушла? Беседовать с клиентами – моя работа, я не глупее других и могу говорить о медицине – например, о болезнях Венеры. Среди моих любовников было три врача и два старшекурсника факультета медицины, один будущий провизор и одиннадцать воспитанников школы адвокатов, и даже преподаватель факультета филологии, но я не могу его назвать, дабы не причинить ему вреда. Вы наверняка догадываетесь: даже будучи глупой, от этих господ несложно набраться слов и мыслей...

– Сколько же вам лет? – растерялась Поль, услышав о столь значительном числе любовников у столь молодой девушки.

– Почти двадцать – и ни одной иллюзии на счет мужчин.

– Я хотел отослать вас, Феми, чтобы объяснить моему дорогому кузену, что являет собой это кафе. Но вам лучше моего известны его тайны...

– Тайны этого кафе – секреты Полишинеля.

– Есть сотни тысяч Полишинелей, Феми. Девушка, которая благоволит к студентам, не имеет ничего общего с той, что любезна к сенаторам! Мой кузен только что окончил семинарию и ничего не знает – ему следует обо всем рассказать...

– В этом случае, он...

Она засмеялась.

– Почему вы смеетесь? – спросила Поль. – Вы находите это столь невероятным? Или просто смешным?

– Это весьма необычно, но все же возможно. Но прежде смешно: не говорите об этом никому – в Латинском квартале вам не дадут покоя. На вас станут показывать пальцем, и женщины не пожелают с вами знакомиться – кроме меня...

Поль была ошеломлена ее словами – невинность считалось позором. После речей Небб, называвшего ее «принцессой целомудрия», Латинский квартал готов бы высмеять ее невинность словно уродство!

Небб догадался о ее мыслях.

– Вас удивляет это желание всех уравнивать – потребность демона, демократа и всякого падшего существа низвести любого до уровня своего падения? Человек неизменно преследует того, кто не похож на него, особенно если этот непохожий отличается от него в лучшую сторону; студенты бесчестным образом исковеркали и утратили целомудрие – теперь они не желают, чтобы его сохранили другие.

– Как же вы пришли к дурной жизни? – спросила прин-

цесса.

– Как и другим, мне было любопытно узнать, о чем с утра до вечера твердят торговцы у магазинов. Однажды меня обокрали. Это не было так уж забавно, но я быстро поняла, что могу извлечь из этого выгоду – будучи ленивой и ненасытной, я пошла по пути любовных приключений... Для девушки лучше питейного заведения не придумать – разве только жизнь содержанки на правом берегу Сены. Сюда я прихожу на закате дня и ухожу глубокой ночью, отдавая хозяину пятнадцать франков в день. Вместе с чаевыми – ни много ни мало, четверть каждой второй кружки вина – я зарабатываю два луидора в день. Добавьте к этому ночи, проведенные с клиентом, и деньги, которые удастся положить себе в карман.

– Вы воруете? – спросил Небó.

– Возвращая мелкую монету, я залезаю в карманы – особенно тех, что пьяны. За десять франков я позволяю украдкой прикоснуться к своему телу. Мне нравится, как мелкие серебряные монеты соскальзывают в глубокий вырез моего платья. Долгим поцелуем я выпрашиваю монету, зажатую между зубами мужчины... Я также коллекционирую шутки, кошельки и драгоценности. Возьмите! – она сняла с пальца мужской перстень и протянула его Поль.

– Герб герцога Шуази! – воскликнула Поль.

– Это аристократ, он подарил мне и эту вещь – я храню здесь табак.

Девушка достала из сумочки кошелёк с фиалками, узором

вышитыми по жемчужному золоту. Поль с изумлением взяла его в руки.

– Это подарок Бланш – его невесты и моей подруги! – шепнула она Небб.

– Этот мужчина целовал вас?

– Никогда! – гордо ответила девушка. – С ним я разыгрывала неприступность! Есть мужчины, от которых можно получить многое, не давая ничего. Шуази я приручила – он целовал мне руку, а однажды я заставила его на коленях просить прощения за то, что он назвал меня...

Поль услышала слово, которым Шуази однажды назвал ее саму – ничуть не покаявшись перед ней, он публично просил прощения у проститутки!

– Продайте мне этот кошелек.

– Я отдам его вам за поцелуй.

– Такую цену я не стану платить и за целый Париж! – с высокомерием ответила принцесса.

– Для семинариста вы чересчур горды и красноречивы!

Очарованная красотой принцессы, Феми протянула ей кошелек. Принимая вещь из руки девушки, Поль не пожелала коснуться ее пальцев, и та заметила ее движение.

– До чего вы жестоки! – прошептала Феми, внезапно погрузнев.

– О чем обычно говорят между собой студенты?

– Чаще всего – о своих болезнях.

– Что же они – все больны?

– Почти все, если только не излечились, но в Латинском Квартале это невозможно.

Принцесса не понимала, что имела в виду девушка.

– Все вокруг производят впечатление здоровых молодых мужчин!

– Это лишь ваше впечатление – кроме вновь прибывшего высокого брюнета, я бы не поручилась ни за одного из них... Сквернее всего то, что они принимают свои лекарства всюду, растворяя их в вине.

Поль поняла, о каких болезнях шла речь, и ей стало неприятно.

– Вы наверняка хотите знать, длячего все эти груды опилок и лопаты в углах зала? – продолжала девушка.

– Да, – ответил Небó. – Для «больного дурной болезнью» Рюбампре, поднимающегося в спальню Корали... Я рад вашему обществу, Феми, но мы не пьем вина. Вы же могли бы...

– Благодарю вас, красота вашего спутника пьянит меня не менее.

– Вам следует гордиться! – шепнул Небó Поль. – Вы превращаетесь в мадемуазель де Мопен! Вы уже покорили Розетту!

– Расскажите нам о здешних девушках, – сказал Небó, обращаясь к Феми.

– О них нечего рассказывать – достаточно просто смотреть. Справа – пышнотелая Ортанс роется в карманах ма-

ленького восторженного блондина. Анастаси изображает недотрогу, как я с герцогом Шуази: она хочет завладеть его письмами к ней, чтобы шантажировать, когда тот женится. Мария – та, что в самом центре – хохочет от души и пьет не в меру, она – настоящий Роже Бонтан¹⁰⁵ этого заведения. Белокожая Жюстин уже вторую неделю мучает своего спутника – это продлится до тех пор, пока она не встретит совсем юную девушку, и та не вызовет у него желания. Рыжеволосая Фелисите, которую вам, должно быть, не просто разглядеть – столь плотно ее приятели обвились вокруг нее, – самая алчная до денег, она содержит любовника – актера из театра Гренель. Худышка Сесиль относит заработанное в сберегательную кассу – она хочет уехать в деревню... Катрин же все время пьяна. Я же пью только, когда мне платят – или когда не могу выбросить из головы щекотливую затею.

– Хотите увидеть спартанское зрелище, Поль? Захмелев, вы наверняка становитесь еще привлекательнее, Феми.

– Если ваш друг ответит на мой поцелуй, я готова выпить столько, сколько он пожелает.

– Больше никогда не произносите вслух подобную дерзость.

Поль произнесла эти слова со столь властным видом, что растерявшаяся девушка пробормотала:

– Мой принц! Скажите только, что это доставило бы вам удовольствие! Нет? Что ж, я все же стану пить, но опьянею от вашей красоты.

– Десять кружек вина! – приказала девушка и замолчала.

Когда принесли вино, она поставила кружки в ряд и расположилась напротив принцессы.

– За твои глаза! – произнесла она.

Она пила вино медленно, глядя Поль в глаза.

Она взяла вторую кружку:

– За твои губы!

С каждым глотком ее взгляд все более затуманивался. Выпив все до последней капли, она откинулась на спинку стула – ее тело дышало страстью, слова же все жарче и смелее раздевали Поль как мужчину.

Небó внимательно наблюдал за пьянеющей девушкой, чьи фантазии пьянили сильнее вина. Выражение лица его было серьезно. За десятой кружкой она облокотилась о столик, положив подбородок на ладони, и стала говорить Поль нежные слова – смесь детских сентиментальностей с непристойностями. Хмельной дурман странным образом обострил ее проницательность – она называла принцессу поочередно «любимый» и «любимая». Ее нежный и глуповатый смех сменился слезами.

– Давайте уйдем отсюда, – попросила Поль – ее тело дрожало, а мочки ушей алели.

Небó положил на столик луидор, они встали и быстро покинули питейное заведение, не оставив опьяневшей девушке времени произнести ни слова.

– Должна ли я признаться вам, Небó, что эта девушка вы-

звала во мне волнение, и я этого стыжусь...

– Ваше признание не столь серьезно, а чувство неловкости – необоснованно. Вы похожи на человека, опустившегося на песок морского берега и не ждавшего накатившейся на него волны. Не зная законов прилива, вы проявили неосторожность. У вас небольшой жар – вы слишком долго стояли под бьющей струей желания. Вы – целомудренны, и невинность, которую древние справедливо считали палладиумом¹⁰⁶, есть самая надежная броня, но лишь тогда, когда объемлет сильный разум, подобный вашему. И все же помните: горячие слова обжигают, развратные прикосновения могут запачкать. Бегство перед голосом плоти, к которому призывают святые, оправдано отнюдь не непостоянством разума – поднявшись над земными волнениями, человек не заблуждается более в сущности порочной страсти. Оно отвечает законам природы, устремляющим птенца в глотку удава и поколебавшим принцессу Рязань, позволившую падшей женщине окунуться в ее глаза и взволновать ее своими словами. Вы ощутили, как едва усилившийся жар тела может лишити целомудрия – сознание того, что девушка с бессмертной душой может обжечь своим желанием сильнее небесной звезды, привело вас в изумление!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.